

ISSN 2221-0792

**РОССИЙСКИЙ
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

1

2017

№ 1

Российский журнал исследований национализма

№ 1, 2017

Основан в 2012 году

Учредитель:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия

к.и.н. И.Б. Горшенева
д.и.н. М. В. Кирчанов (отв. ред. ВГУ)
к.и.н. А. В. Погорельский
к.полит.н. Е.М. Поляков
к.и.н. И. В. Форет

Editorial Board

Dr. Irina V. Gorsheniova
Dr.Sc. Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky
Dr. Evgenii Poliakov

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Московский пр-т 88 Воронежский государственный
университет корпус № 8, ауд. 22

Все авторские материалы, поступающие в Редакцию, проходят процедуру
анонимного рецензирования. Электронная версия настоящего издания доступна на
официальном сайте Факультета международных отношений Воронежского
государственного университета <http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

Articles

Maksym W. Kyrchanoff

Inventing “regional” as “national”: peasant worlds of Eastern Europe of pre-national era in post-national imaginations of contemporary Russia and Ukraine 4

Nikita Nekludov

Russian World In Ukraine: Soft Power implementation in Crimea and “Novorossia” 37

Miscellanea

Никита Неклюдов

Искушение прошлым, или заметки (не)стороннего наблюдателя у парадного подъезда российской политической идентичности 44

3

М.В. Кирчанов

Болгарский политический язык 1950-х – 1980-х годов и конструирование образов Македонии 59

В.И. Сальников

ДНР И ЛНР как зоны проблемной государственности: проблемы методологии исследования 75

Articles

Maksym W. Kyrchanoff

Inventing “regional” as “national”: peasant worlds of Eastern Europe of pre-national era in post-national imaginations of contemporary Russia and Ukraine

Andrei Tarkovskii very accurately grasped the idea of old Russian “patriotism”. In his wonderful film “Andrei Rublev” during a pogrom in Vladimir student of Andrei shouts to vigilantes of Zvenigorod prince: “Uncle, what are you doing, I’m Russian!”. The answer was very patriotic: “Now I’ll show you... you are Vladimir bastard!”. His own city, their own land were foundations of patriotism for old Russian persons.

Igor’ Danilevskii¹

4

Introductory remarks. Russian and Ukrainian academic historiographies are traditionally based on the great narratives that determine history writing processes as primarily eventual and political. The dominance of the “great histories” actualizes the succession of political and social institutions narratives and myths. The most of the historians in Russia continues to develop the myth about the existence of “old Russian nationality”. Ukrainian historians seek to prove the

The author dedicates this article to memory of Viktor Mihailovich Abakumov (1949 – 2015) – leading bibliographer of Voronezh State University Scientific Library. The discussions with Viktor Mihailovich in the 1998 – 2005 stimulated my respect for books and interest in them.

¹ Danilevskii, I. (2015). “Tam, gde my ozhidaem uvidet’ odno, liudi proshlogo vidiat drugoe”, *Arzamas*, 2015, 12 – 18 marta, <http://arzamas.academy/materials/469>

exceptional continuity between the inhabitants of Kievan Rus' and modern Ukrainians.

Mykhailo Hrushevs'kyi in his article "The Traditional Scheme of 'Russian' History and the Problem of a Rational Ordering of the History of the Eastern Slavs", published in 1903, tried to suggest alternative theoretical basis and methodological backgrounds for history writing and historical imagination, but the revisionist attempt was ignored and unnoticed in the context and shadow of his other more successful works, which also were negatively mythologized in Soviet historiography or positively idealized in contemporary Ukrainian historiography. A history of Russia and a history in Russia in these ideological and intellectual contexts are written and imagined as a predominantly state and event histories.

This paradigm of Russian history writing and historical imagination was originally established in the pre-revolutionary period when it was presented and developed in the great synthetic versions of a history. Russian pre-revolutionary historians allowed themselves some liberties in their understandings and interpretations of various historical events, but these formal historiographical freedoms were not fundamental. State-centric paradigm dominated in the pre-revolutionary Russian historical studies until 1917. The period of relative freedom of Soviet historians was not too long, and the history writing in the USSR was dependent on requirements and needs of dominating communist ideology. Soviet historiography had a lot in common with its Russian predecessor. Therefore, Russian and Soviet historians were able to write and preferred in fact predominantly event history in political or socio-economic contexts.

The only feature that distinguished Soviet historiography from Russian pre-revolution historical studies was that Soviet historians formally divided a history in some histories of Soviet republics, but the differences between Soviet national historiographies were minimal and invisible because historical studies in the USSR were politicised and ideologized. The collapse of the USSR and Soviet historiography almost did not impact on general versions of Russian history. Russia continues

to write a history and imagines it as predominantly synthetic political and socio-economic history.

The history of Russia in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiographies usually begins with a history of Kievan Rus'. The history of Kievan Rus' is one of the extremely ideologized themes in the historiography. The ideologization and mythologization of this historical period were the results of theoretical and methodological discussions and debates of the 20th and 21st centuries and national and political contradictions between Russian and Ukrainian historians. Theoretical debates about Kievan Rus' legacy usually develop as discussions about its character as the state, features of feudal relations and the role of various social and political institutions. These theoretical debates in this article are not interesting for Author of this article. National disputes between Ukrainian and Russian historians are reduced to debates on Old Russian statehood period in histories of Russia and Ukraine.

The most of the Ukrainian and Russian historians in spite of these national differences and contradictions, in fact, continue to develop the neo-Soviet version of history writing. History is imagined by them as predominantly eventual state political history. A history of Kievan Rus' is not an exception from this universal logic of history writing. This logic of historical imagination virtually eliminates regional histories and also assists to their marginalisation in the context of political centres histories. Russian and Ukrainian historical imaginations are based on a neo-Soviet version of history and this history can be imagined as a predominantly state history with a minimal regional dimensions. Regional factors in historical imagination were marginalised. Possibilities of regional history were not realised in Russian and Ukrainian historiographies, where their place was occupied by local historians and amateur historians. The Author of the proposed text plans to analyse collective representations about ethnic history of Kievan Rus' in the proto-regionalization context. The dominance of the great narratives in historiography assists to the marginalization of regional forms of genesis and development of traditional identities in Eastern Europe.

The purposes of the article. The author intends to analyse historiographical debates and discussions between supporters and opponents of the grand narratives. The tactics and strategies of regional levels understanding in histories attempts to actualize them in the nationalist imagination of transit societies will be also analysed in this text. The prospects for development of history as the history of nation-states in the historical imagination will be analysed in the context of historiographical debates about ethnic and regional factors role in a history of invented and imagined “old Russian nationality” and its intellectual destinies in contemporary intellectual communities in Russia and Ukraine. The author analyses unrealized historiographical scenarios and possibilities of history writing in the revisionist paradigm based on the actualization of alternative and non-dominant regional factors in perception of the post-Kievan period in history and radical rejection of the orthodox concept of the history of Kievan Rus’ as history the state where “old Russian nationality” lived. The authors’ aim is an analysis of the regional dimensions and levels of Kievan Rus’ history in different versions and forms of historical imagination.

Methodological bases. The aim of this is the actualization of alternative versions and revisionist perceptions of Kievan Rus’ ethnic history. This paper is positioned as an interdisciplinary. On the one hand, the author will try to use methodological approaches proposed in inventions turn in Western historiography. On the other hand, the author presumes that article will actualize the potential of other inter-disciplinary areas in modern historiography, including a history of ideas, intellectual history and regional history. The inventions turn in Western historiography began in 1983 when Benedict Andersons’ book “Imagined communities”² and a collection of articles “The invention of tradition” edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger³ were published. Theoretical and methodological features and basic principles

² Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso

³ Hobsbawm, E., Ranger, T. eds. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.

of these works there are well-known in modern Russian historiography. The author will propose only a few introductory remarks. The author presumes that “imagined communities” and “invented traditions” concepts can be used not only in nationalisms studies, nationalist imaginations and national identities constructed and proposed by them. The author believes that these principles and approaches can be applied to intellectual situations studies, different worlds of ideas and cultural practices that are used by various intellectuals for the legitimization of different political processes and states.

Imagined communities in the Soviet historiography. The Soviet historiography inherited the interest in the problems of a history of ancient Russia from pre-revolutionary Russian historiography. Soviet historians inherited not only this interest but also a linear version of it. A history of Kievan Rus’ was written in the Soviet historical imagination as an event, political and socio-economic. Political indoctrination and monopolisation of historical knowledge assisted to the emergence of tendencies defined by Diliara Usmanova as “conceptual flaws of historiography”⁴. The dominance of social and economic approach that actually prevailed in Soviet historiography excluded regional levels in the historical process.

The viewpoint that history in the era of the nation-state is doomed to be a nationalist⁵ periodically is actualized in Western historiography. Soviet historians assisted to the development of Russian nationalism in spite the fact that status of the Soviet Union as a nation-state is extremely questionable and controversial. Mihail Tihomirov, who belonged to one of the leading Soviet historians, was also among founders of “old Russian nationality” concept. Mihail Tihomirov believed that “common territory, language and culture”⁶ were the determining factors in a history

⁴ Usmanova, D. (2003). Sozdavaia natsional’nuu istoriiu tatar: istoriograficheskie i intellektual’nye debaty na rubezhe vekov, *Ab Imperio*, no 3, p. 343.

⁵ Thomson, D. (1968). Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers, *Encounter*, vol. 30, no 6.

⁶ Tihomirov, M. (1954). Znachenie Drevnei Rusi v razvitii russkogo, ukrainskogo i belorusskogo narodov, *Voprosy istorii*, no 6, ss. 19 – 26.

of Kievan Rus' inhabitants. Mihail Tihomirov⁷ represented nationalist Russian trend in Soviet historiography and believed that old Russians, on the one hand, had a positive impact on other ethnic groups and also stimulated the development of other eastern Slavic groups. On the other hand, Mihail Tihomirov in some of his texts insisted that Kievan Rus' was inhabited and populated by "Russians".

The theory of "old Russian nationality" existence dominated in Soviet historiography without any changes because any attempts of its revision were exposed by harsh ideological criticism and verified as anti-Soviet. The historians of nationalism⁸ believe that a history is constructed as a collective representation about the past and these ideas are closely linked with the development of actual identities. It is not surprising that the "old Russian nationality" concept was maintained and developed until 1991 because historians in the USSR were forced to cultivate official "Soviet people" narrative. The attempts of historiographical understanding of the ethnic history of Kievan Rus' problems in the works of Igor' Froianov⁹ was limited by ideologically and politically verified statements. Soviet historians¹⁰ demonstrated a significant political solidarity and they were always ready to give an answer "bourgeois falsifiers" of a history. The problems of "old Russian nationality" history in the Soviet period were politicised and historiography focused on ethnic history.

The historians inevitably developed an ideological canon of a history and realised political functions. Soviet historians in this context were

⁷ Tihomirov, M. (1950). Kyjivs'ka Rus', *Naukovi zapysy Instytutu Istoriji AN URSR*, vol. 3, ss. 18 – 35.

⁸ Friedman, J. (1992). Myth, History, and Political Identity, *Cultural Anthropology*. Vol. VII.

⁹ Froianov, I. (1990). Sovetskaia istoriografiia drevnerusskoi narodnosti, Froianov, I. (1990). Kievskaja Rus'. *Očerki otechestvennoi istoriografii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, ss. 6 – 29.

¹⁰ Gadlo, A. (1978). Etnogenez vostochnyh slavian, Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 13 – 35; Gadlo, A. (1978). Vostochnye slaviane, Rus' i neslavianskie plemena Vostochnoi Evropy, Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 43 – 60; Mavrodin, V. (1978). Proiskhozhdenie russkogo naroda. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta

nationalist-oriented historians because of historians, as Anthony Smith¹¹ presumed, made a significant contribution to the development of nationalism and laid moral and intellectual foundations and backgrounds for nationalism. Diliara Usmanova believes that “commonality of historical thinking and methodological limitations of intellectual horizon”¹² formed systemic features of historical knowledge in its Soviet version. Therefore, Soviet historians, in general, did not go beyond the narrow limits of possible and permissible interpretations of Kievan Rus’ and proposed a history of “old Russian nationality” imagined and written in socio-economic coordinates system as predominantly state and political history.

This approach dominated in the Soviet historiography and also assisted to the conscious neglect of regional levels and features of the historical process. The dominance of ideologized forms of historical knowledge made an impossible combination of regional and ethnic levels in Soviet historiography. Igor Froianov¹³, one of the Soviet Kievan Rus’ historiography leaders, imagined a history of this period primarily as a social and economic, and most of the events if this period were localised in a context of the history of socio-economic relations and dynamics of feudalism development. This approach eliminates a history writing of Kievan Rus’ in the regional context. The attempts to actualize regional levels and dimensions in Kievan period history were extremely rare. For example, Arsenii Nasonov¹⁴ in 1951 tried to analyse the concept of “Russian land”, but his book belonged to normative historiography in general.

The history of Kievan Rus’ in Soviet historiography was integrated into an ideologically verified political canon. Soviet historians, on the one

¹¹ Smith A. (2002). *Natsionalizm i istoriki, Natsii i natsionalizm*. Moskva: Praksis

¹² Usmanova, D. (2003). *Sozdavaia natsional’nuu istoriiu tatar: istoriograficheskie i intellektual’nye debaty na rubezhe vekov, Ab Imperio*, no 3, p. 351.

¹³ Froianov, I. (1980). *Kievskaiia Rus’*. *Ocherki sotsial’no-politicheskoi istorii*. Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta; Froianov, I. (1978). *Drevnerusskaia narodnost’*, Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 36 – 42.

¹⁴ Nasonov, A. (1951). “Russkaia zemlia” i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Moskva: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR

hand, could write a history of Kievan Rus' as predominantly social and economic history. On the other hand, a history in these ideological and political realities and canons was invented as a history of united "old Russian nationality". Soviet historians used "old Russian nationality" definition. Anthony Smith¹⁵ was right in this context when he guessed that nations develop in the historical imagination. Therefore, "old Russian nationality" was among the few original "imagined communities" concepts of Soviet historiography. Historiography was a form of political participation of nationally oriented representatives of Russian intelligentsia in the Soviet period. Nationalist sentiments and political ideas of intellectual elite

were forced to adopt specificity of nationalist rhetoric and requirements of Soviet ideological text [because] discourse of ethnicity from politics migrated into the discourse of culture¹⁶.

Soviet historians believed that "old Russian nationality" had several important attributes, including a common language, culture, government and political institutions. Vladimir Mavrodin believed that "old Russian nationality" definition was used by Soviet historians because this concept "most closely corresponded to ethnic community period of Kievan Rus"¹⁷. This term was used so widely and actively that "old Russian nationality" concept in Soviet political and historical imagination got new functions and attributes of "imagined community". Vladimir Mavrodin belonged to a number of recognised classics of Soviet historiography and actively used "old Russian nationality" concept. In the late 1930s, Soviet historians were inclined to accept Kievan period as the initial period of a history of Russia as the national state. It was characteristic, for example,

¹⁵ Smith A. (2002). *Natsionalizm i istoriki, Natsii i natsionalizm*. Moskva: Praksis

¹⁶ Varnavskii, P. (2003). Granitsy sovetskoi buriatskoi natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 – 1929 godah v proektah natsional'noi intelligentsii i natsional-bol'shevikov, *Ab Imperio*, no 1, p. 150, 157)

¹⁷ Mavrodin, V. (1971). *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoi narodnosti*. Moskva: Vysshaia shkola, p. 157.

for early works of Vladimir Mavrodin¹⁸ published in the end of the 1930s. The dominance of Russian nationalist narrative in the Soviet historiography of this period automatically excludes any debates and discussions on the regional dimensions and forms of Russian historical process because the historical policy of ruling Soviet elites was based on attempts of historical and political memories unification and indoctrination of intellectual landscape. In the second half of the 1940s, Vladimir Mavrodin¹⁹ proclaimed the “indissoluble unity” of language and culture of three eastern Slavic nations. A history of Kievan Rus’ was imagined by him in this ideological situation as predominantly political and social economic history.

Vladimir Mavrodin categorically declared that “community of material and spiritual culture”²⁰ was typical for Kievan Rus’ period. Some years later Vladimir Mavrodin slightly revised his ideas and turned them into more academic, but the tone of his texts, in general, remained the same and unchanged. Vladimir Mavrodin believed that “old Russian nationality” was “a fundamentally new historical community” and “territorial community”²¹. Vladimir Mavrodin declared that “remarkable unity” was characteristic for Kievan Rus’²². The concept of “old Russian nationality” in Soviet historiography imagination was mythologized. The ideal qualities were attributed by Soviet historians to imagining by them “old Russian nationality”, although evidence of its existence was doubtful and hypothetical.

¹⁸ Mavrodin, V. (1939). *Obrazovanie Russkogo natsional'nogo gosudarstva*. Leningrad – Moskva: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo

¹⁹ Mavrodin, V. (1946). *Drevniaia Rus'. Proiskhozhdenie russkogo naroda i obrazovanie Kievskogo gosudarstva*. Moskva: Ogiz

²⁰ Mavrodin, V. (1945). *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, p. 395.

²¹ Mavrodin, V. (1978). *Proiskhozhdenie russkogo naroda*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, ss. 133, 138.

²² Mavrodin, V. (1978). *Proiskhozhdenie russkogo naroda*. s. 142.

Despite some apparent theoretical and methodological contradictions, Soviet historians, including Vladimir Mavrodin²³ insisted that Muscovite principality was the direct historical, political and ethnic heir of Kievan Rus'. This methodological approach was based on ignoring of regional differences and local features, excessive absolutization of ideas about ethnic continuity and attempts to extend imagined Russian ethnicity on chronologically distant periods of history. Vladimir Mavrodin declared that

the unity of old Russian nationality was so strong that even after the terrible invasion of Batu ... common features in language and culture of different edges of Russian Land were preserved²⁴

The idea of “old Russian nationality” was extremely mythologized and this concept becomes commonplace in Soviet historiography. Valentin Sedov, like other Soviet historians, on the one hand, recognised the existence of “old Russian nationality”, but tried to prove and legitimise it by means of archaeology. On the other hand, Valentin Sedov²⁵ believed that the processes of “old Russian nationality differentiation” actively proceeded, but he insisted that they started too late. This perception almost completely excluded any regional dimensions from historical processes in Kievan Rus' period. Academic studies focused on a history of Novgorod and Pskov were exceptions, but they actualized predominantly different problems of the social, economic and political history of the post-Kievan period in a traditional, almost positivist, way of history writing because Soviet historian was focused on event forms of historical process analysis.

The potential of regional forms of old Russian and post-Kievan histories was actualized only during the post-Soviet era, but these

²³ Mavrodin, V. (1951). *Obrazovanie edinogo Russkogo gosudarstva*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta

²⁴ Mavrodin, V. (1978). *Proiskhozhdenie russkogo naroda*. s. 146.

²⁵ Sedov, V. (1999). *Drevnerusskaia narodnost'*. *Istoriko-arheologicheskoe issledovanie*. Moskva: Iazyki russkoi kul'tury

revisionist interpretations and understanding were not among theories and methodological approaches which determined the general developments of Russian historiography.

Imagined communities: Ukrainian version. Some contemporary Ukrainian historians after the restoration of independence in the early 1990s did not abandon old Soviet methodological and theoretical principles of history writing. They prefer to change, modify and adopt them to new conditions. The history of Kievan Rus' was not an exception from this universal adaptive strategy of Ukrainian historiography. Ukrainian historians, including Petro Tolochko and Mykola Kotliar, continued to approve and insist that old Russian nationality existed in the period of Kievan Rus'. Petro Tolochko in contemporary Ukraine actually continues to develop the ideas proposed some decades earlier in the Soviet period.

Petro Tolochko until 1991 wrote about the linguistic, cultural and territorial unity of Kievan Rus'²⁶. Petro Tolochko in Soviet period pathetically declared that “old Russian nationality was monolithic ethnic community”²⁷. The only idea Petro Tolochko radically refused from was a criticism of “reactionary bourgeois historiography”²⁸ because earlier criticised Mykhailo Hrushevs'kyi was recognised as one of the founding fathers of Ukrainian historiography. The “old Russian nationality” in modern Ukrainian historical imagination became the imagined community in spite the fact that its existence is not recognised by all Ukrainian historians. The supporters of “old Russian nationality” existence in Kievan Rus' propose some theoretical evidence of their theoretical approach. The proponents of “old Russian nationality” theory sure that Kievan Rus' from the beginning by its collapse developed as united feudal state. Ukrainian historian Mykola Kotliar as Petro Tolochko believes that old Russian nationality was an ethnic basis of Kievan Rus'.

²⁶ Tolochko, P. (1987). *Drevniia Rus'*. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Kiev: Naukova dumka, ss. 286 – 188.

²⁷ Tolochko, P. (1987). *Drevniia Rus'*. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. s. 191.

²⁸ Tolochko, P. (1987). *Drevniia Rus'*. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. s. 180.

Mykola Kotliar ignores regional and local features of the historical process and insists that the ideas of “ethnic, linguistic and cultural unity” were characteristic of a history of the Kievan period. Mykola Kotliar insists that the princes in Kievan Rus’ sought to “preserve the unity of Old Russian state”²⁹. Therefore, Petro Tolochko debate with some modern “Moscow” historians. Petro Tolochko, on the one hand, does not agree with their attempts to revise the state status of Kievan Rus’. On the other hand, Petro Tolochko doesn’t agree with the interpretation of certain points in Kievan Rus’ ethnic history. Petro Tolochko insists that ideas of his opponents, who disagree with “old Russian nationality” theory, cannot be supported by “archaeological and written sources”³⁰.

The concepts of Petro Tolochko proposed by him in the post-Soviet period had neo-Soviet character. His texts published in the 1990s and the 2000s³¹ have mainly historiographical character and they are filled with quotations from Soviet historians. The books and articles of Petro Tolochko³², published in the independent Ukraine, belong to the normative historiography. His texts focused on Kievan Rus’ history propose predominately event and political history. In general, a history of Kievan Rus’ is imagined as a history of dominating political centres that automatically excludes regional dimensions from Ukrainian historical process. Petro Tolochko believes that consolidated old Russian nationality lived in Kievan Rus’ lived single, but he also recognises that “absolute linguistic unity”³³ was absent among its central characteristics.

The key principles of Petro Tolochko concept were the followings: old Russian nationality was a “viable and conservative ethnic-social body that was able to maintain its unity in adverse conditions of national

²⁹ Kotliar, M. (1998). *Drevnerusskaia gosudarstvennost’*. Sankt-Peterburg: Aleteiia, ss. 405 – 407.

³⁰ Tolochko, P. (2010). *Drevnerusskaia narodnost’*. *Voobrazhaemaia ili real’naia*. Kiev: Adef-Ukrajina, s. 12.

³¹ Tolochko, P. (2005). *Drevnerusskaia narodnost’*. *Voobrazhaemaia ili real’naia*. Sankt-Peterburg: Aleteyia

³² Tolochko, P. (2008). *Kyjivs’ka Rus’, Kyiv i Rus’*, Tolochko, P. (2008). *Vybranni tvory 1998 – 2008 rokiv*. Kyiv: Akedemperidika. ss. 7 – 28.

³³ Tolochko, P. (2008). *O iazyke drevnih kievljan i novgorodtsev*, Tolochko, P. (2008). *Vybranni tvory 1998 – 2008 rokiv*. Kyiv: Akedemperidika. ss. 258 – 267.

development”, external enemies perceived Kievan Rus’ as “a single ethnic space”, local dialects in Kievan Rus’ evolved in the direction of convergence and single literary language also developed, Kievan Rus’ in general was “geographically, economically and culturally united country”³⁴. Petro Tolochko also presumes that national identity developed in the political consciousness of Kievan Rus’ inhabitants³⁵. These ideas of Petro Tolochko actually led to the transformation of “old Russian nationality” concept in the imagined community. Petro Tolochko as historians of national revivals and active national movements’ era actually cultivates a narrative about the nation of their dreams. Petro Tolochko differs from other nationalist historians only in his strategies of nationalist narratives invention. Nationalists prefer to construct and imagine nation for the future, but the ideal invented nation and imagined a community of Petro Tolochko long time ago become a part of a history.

The revisionist version: from imagined community to invented traditions. Old Russian nationality concept, analysed above, had a regular character in Soviet historiography and it was maintained, developed and promoted by Soviet historians. This theory also was politically and ideologically supported by Soviet elite. German historian Rainer Lindner suggests that

before the USSR collapse, a methodological and terminological model of interpretation of history was not changed³⁶.

Therefore, opponents of “old Russian nationality” theory did not belong to the dominant Soviet historiographical trends and they were not able to actively promote their alternative viewpoints on Kievan Rus’. Alternative interpretations were irregular and they were sporadically

³⁴ Tolochko, P. (2008). *Vybranni tvory 1998 – 2008 rokiv*. Kyiv: Akedemperidika. ss. 52, 154, 248, 278.

³⁵ Tolochko, P. (2010). *Drevnerusskaia narodnost’*. *Voobrazhaemaia ili real’naia*. s. 286.

³⁶ Lindner, R. (1997). *Niazmennasts’ i zmeny ŭ postsavetskai historyiahrafiu Belarusi*, *Belarusika. Albaruthenica*, vol. 6, no 1

actualized in historiography. The ideas of official historiography opponents

could not undermine the strength and foundations of official discourse³⁷

because their authors were marginalised, ignored, and non-recognized by the Soviet historians conservative majority. The idea of regional features was actualized in Mykola Kostomarovs' article "Two Russian nationalities"³⁸, but the problems of regional dimensions were reduced to a history of ethnographic local features and linguistic characteristics. For example, Mykola Kostomarov considered that Kiev and Novgorod in the medieval period had significant differences and regional characteristics that become more vivid in a period of feudal fragmentation. Mykola Kostomarov in one of his articles declared that

when I first heard inhabitant of Novgorod land, I thought that this man spoke in Little Russian and tried to talk in Great Russian³⁹.

17

Mykola Kostomarov tried to develop alternative interpretations and actualize local levels in a history of East European Middle Ages, but he did not achieve significant progress because in the 19th-century nationalism dominated and regionalism was weak. The historiography of the 19th century developed as a predominantly positivist. Positivism in its classical forms stimulated writing of general synthetic histories that actually excluded regional forms and dimensions of historical processes. The first serious academic and scientific attempts to propose a new

³⁷ Zwiklinski, S. (2003). Tatarizm vs bulgarizm: "pervyi spor" v tatarskoi istoriografii, *Ab Imperio*, no 2, s. 364.

³⁸ Kostomarov, N. (1903). Dve russkie narodnosti, Kostomarov, N. (1903). *Istoricheskie monografii i issledovaniia*. Tom 1. Sankt-Peterburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, ss. 31 – 65.

³⁹ Kostomarov, N. (1863). Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada (istoriia Novgoroda, Pskova i Viatki). Sankt-Peterburg: Obshchestvennaia pol'za; Kostomarov, N. (1903). *Sobranie sochinenii*. Sankt-Peterburg

interpretation of Kievan Rus' history and possible actualization of regional forms in historical processes were made by some historians in different times. Ukrainian historian Mykhailo Hrushevs'kyi initiated interpretation of Kievan Rus' history in another system of theoretical and methodological coordinates. His article "The Traditional Scheme of 'Russian' History and the Problem of a Rational Ordering of the History of the Eastern Slavs"⁴⁰ was published in 1903. The concept of Mykhailo Hrushevs'kyi in classical form was presented in his multi-volume "History of Ukraine-Rus"⁴¹.

Mykhailo Hrushevs'kyi in the early 20th century tried to separate Ukraine and the Russian histories as histories of different nations and countries, as different historical processes with different theoretical backgrounds. These ideas of Ukrainian historians were not recognised in Russian and Ukrainian historiographies of the Soviet period. Soviet historians did a lot for the demonization of the academic heritage of Mykhailo Hrushevs'kyi and imagined him as one of Ukrainian nationalism theoreticians. Ukrainian historians in interwar period⁴² developed a scheme of Mykhailo Hrushevs'kyi, but these versions were not actualized before the beginning of the 1990s. The alternative concepts developed in Soviet historiography, but in the Soviet period they did not dominate and were mostly marginal and had a non-systemic character in Soviet model of historical knowledge.

The actualization of alternative versions of Kievan Rus' history in the regional context became possible only after the collapse of the Soviet Union. The crisis and fall of the Soviet Union and Soviet historiography led to methodological changes in historical science. German historian Rainer Lindner believes that "only in exceptional cases historians will

⁴⁰ Hrushevs'kyi, M. (1904). Zvychna skhema "ruskoi" istoriji ji sprava ratsional'noho ukladu istoriji skhidnoho slov'ianstva, Wymar, L. (1985). Najvydatnishyi istoryk Ukrajin Mykhailo Hrushevs'kyi (1866 – 1934). [n.p.]: Suchasnist'

⁴¹ Hrushevs'kyi, M. (1904 – 1907). Istoriiia Ukrajin-Rusy. L'viv; Hrushevs'kyi, M. (1913). Illiustrirovannaia istoriia ukrainskogo naroda. Sankt-Peterburg

⁴² Holubets' M. (1935). Velyka istoriia Urkajiny. L'viv: Vydavnytstvo Ivana Tyktora

again learn their craft”⁴³. Ideological and political changes of the early 1990s forced them to revise their methodological principles. The collapse of the Soviet Union, as Western historians believe, made history “to move into the centre of historical debates”⁴⁴. The 1990s were a period of active destruction, gradual fall of the old canons of historical knowledge. It was inevitable that historians and “post-Soviet intellectuals faced with the crisis of a history writing”⁴⁵. Historians of national orientation in Ukraine encouraged this process actively. Hryhorii Pivtorak⁴⁶ (2001) and Leonid Zalizniak⁴⁷ (1997) in Ukraine proposed a radical version of Ukrainian history based on ethnocentrism. Ukrainian history was written by them as Ukrainian.

The assumption of Iaroslav Hrytsak that “a history of Ukraine is mainly a history of Ukraine”⁴⁸ seems to be true. The deimperialization process began in Ukrainian historiography very actively in the early 1990s. Ukrainian historians tried

to adapt their historical schemes and intellectual concepts to
the fact of the collapse of the empire⁴⁹.

The period of Kievan Rus’ was positioned as the first stage of Ukrainian national history, and the concept of old Russian nationality was not accepted and rejected as an ideological and political construct. These interpretations of Russian historical process were radical, but they

⁴³ Lindner, R. (1997). Niazmennasts’ i zmeny ũ postsavetskai historyahrafiu Belarusi, *Belarusika. Albaruthenica*, vol. 6, no 1

⁴⁴ Lindner, R. (1999). New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus, *Nationalities Papers*, vol. 27, no 4.

⁴⁵ Lindner, R. (1999). New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus, *Nationalities Papers*, vol. 27, no 4.

⁴⁶ Pivtorak, H. (2001). Pohodzhennia ukrajintsiv, rosiian, bilorusiv ta jihnih mov. Mify i pravda pro tr’oh brativ slov’ians’kyh zi “spil’noji kolysky”. Kyiv: Akademiia

⁴⁷ Zalizniak, L. (1997). Vid sklavyniv do ukrajins’koji natsiji. Kyiv: Vydavnytsvo “Biblioteka ukrajintsia”

⁴⁸ Hrytsak, Ia. (2003). Ukrainaskaia istoriografia. 1991 – 2001. Desiatiletie peremen, *Ab Imperio*, no 2

⁴⁹ Kohut, Z. (2004). Korinnia identychnosti. Studiji v rann’omodernoji ta modernoji istoriji Ukrajinu. Kyiv: Krytyka, s. 218.

assisted to the institutionalization of Ukrainian history as a history imagined in the ethnic coordinates system. The concept was not new, it was earlier evolved in interwar and diaspora Ukrainian historiography. These viewpoints were not worse or better than Soviet Ukrainian historiography. They were just different, but these formal new methodological and theoretical approaches were based on ignorance of regional levels of Kievan Rus' history. The similar processes in Russian historiography evolved slowly. Russian historian of nationalism Viktor Shnirel'man believes that

in the era of nationalism, nation are the main actors of a history ... primordialist approach provides them with extremely resistant cultural characteristics ... the nation consciously or unconsciously is identified with ethnic groups, whose roots are lost in ancient history⁵⁰.

This opinion was among the most popular in transit societies where political elite cultivated historical myths, complexes and resentments. Ukrainian historian Heorgii Kas'ianov believes that

an important feature of the canon is ethnocentrism, cultural and ethnic exclusivity. Nation in this standard scheme is the main actor of a history. All other nations are missed or ignored. Sometimes, when you need the presence of another nation, it is the antithesis of his nation⁵¹.

Russian historiography of Kievan Rus' was the victim of these manipulations with historical memory. Therefore, alternative versions of Kievan Rus' history, on the one hand, were based on doubts about the existence of old Russian nationality in modern Russian historiography. Some historians refuse to Kievan Rus' in the state status. Russian-

⁵⁰ Shnirel'man, V. (2003). *Voyny pamiati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e*. Moskva: Akademkniga, 18.

⁵¹ Kas'ianov, H. (2009). *Natsionalizatsiia istorii v Ukraine*, retrived in <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>

American historian Aleksandr Ianov identified Kievan Rus' as Kiev-Novgorod conglomerate Varangian principalities and veche cities"⁵². On the other hand, modern Russian historiography of Kievan Rus' history and world historiography developed in different directions. Belarus philosopher Valiantsin Akudovich believes that

a history could be a political commodity only in logocentric society... history in postmodern society becomes almost unnecessary. There is simply no history in such system⁵³.

These transformations of historical knowledge actualize multiple histories and multiple interpretations of the past which were previously ignored. Igor' Danilevskii became one of the leading historians of a revisionist trend in Russian historiography. Igor' Danilevskii believes that "old Russian nationality" concept had political and ideological character. Therefore, Igor' Danilevskii, on the one hand, declared that

the inhabitant of Kiev or Novgorod would be very surprised if he knew that he was a citizen of the old Russian state. Firstly, he did not know what the "state" was. This word appeared in sources only in the 15th century ... Secondly, even the meaning of this word was explained... he still would have remained in the dark about what is meant... The phrase "Old State" and "Kievan Rus'" for him did not mean anything⁵⁴.

21

Ukrainian historian Oleksii Tolochko also insists that

⁵² Ianov, A. (2005). V nachale byla Evropa. U istokov tragedii russkoi gosudarstvennosti, <http://polit.ru/article/2005/08/26/intro/>

⁵³ Navuka ta strazehii pratsy z minulym. Dyskusiia ũ mezhah seminaru "Suchasnae belaruskae myslenie", Instytut satsyialogii, Instytut filazofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda, *Palitychnaia sfera*, 2006, no 6, s. 47.

⁵⁴ Danilevskii, I. (1999). Drevniaia Rus' glazami sovremennikov i potomkov. Moskva: Aspekt press, s. 169.

the state called Kievan Rus' and even Old Russia did never exist!
... Our ancestors would be incredibly surprised to hear the name
of this country⁵⁵.

Ukrainian and Russian revisionist historiographies propose a radical revision of Kievan Rus' and these versions of historical imagination have much in common. The supporters of radical new versions of historical knowledge and historical epistemology tend to actualize regional dimensions of the historical process. This actualization can be only possible in the context of the radical revision of Kievan Rus' history. Some Ukrainian and Russian historians believe that Kievan Rus' was not a state in the modern sense of this definition. Developing post-modernist perception of a history as multiple histories Oleksii Tolochko in 1994⁵⁶ suggested that Kievan Rus' was not the state, but developed as a collective image. The ideas of radical rejection from "Old Russian nationality" theory and necessity to deconstruct imagined East Slavic unity became more popular in Ukrainian historiography because Ukrainian historians were more decisive and consistent in the revision of Soviet historiographical heritage. Ukrainian historian and archaeologist Volodymyr Baran presumes that

there was no old Russian nationality, there is no all-Russian history. Each of Eastern Slavic nations have the right to only one part of Eastern Slavic heritage and one part of Eastern Slavic lands... these lands could be indigenous or colonised in process of resettlement by direct ancestors⁵⁷

Ukrainian historians after the restoration of state independence of Ukraine tried to legitimise the idea of deconstruction of Eastern Slavic unity and to propose methodological and theoretical basis of these ideas

⁵⁵ Tolochko, A. (1999). Himera Kievskoi Rusi. *Rodina*, no 8, ss. 28 – 30.

⁵⁶ Tolochko O. (1994). *Rus': derzhava i obraz derzhavy*. Kyiv: Instytut istoriji NAN Ukrainy

⁵⁷ Baran, V. (1998). *Davni slov'iany*. Kyiv: Vydavnychiy dim "Al'ternativy"

in the context of historiographical generalisations⁵⁸. Kievan Rus' was a state only in Soviet Marxist historians imagination because the state was among central categories of Marxism. Soviet historians had no other alternative, and they were forced to invent and imagine the state of Kievan Rus. On the other hand, Igor' Danilevskii does not accept old Russian nationality theory and presumed that population of Kiev significantly differed from Novgorod. Igor' Danilevskii, commenting problems of Kievan Rus' ethnic history, believes that

ethnically population of Kievan Rus' can not be imagined in the form of united old Russian nationality. The inhabitants clearly divided into several ethnic groups with different looks, language, material and spiritual culture. Proximity was apparent ... they had different metrology systems, word-dialectal features of speech, favourite kinds of decorations, traditions and customs⁵⁹.

The similar sentiments are typical for Ukrainian historiography represented by Natalia Iakovenko who believes that people of Kiev political area were different from Novgorod population. The concept of "old Russian nationality" is strictly and categorically defined as "absurd"⁶⁰. Oleksii Tolochko in his logical reasoning went further and suggested that

we must learn to perceive own history and their country as independent values. Not only because it is not Russia, and that is good. Not only because it is different than in Russia... and because

⁵⁸ Iusova, N. (2001), Heneza kontseptu "davn'iorus'ka narodnist'" u radians'kii istorychnii nautsi, *Ukrajins'kyi istorychnyi zhurnal*, mo 6, ss. 35 – 64; Iusova, N. (2001), Henezys kontseptsiji davn'iorus'koji narodnosti v istorychnii nautsi SRSR. Vinnytsia: Konsol'; Iusova, N. (2006). "Davn'iorus'ka narodnist'": zarodzhennia i stanovlennia kontseptsiji v radians'kij istoruchnij nautsi (1930-ti – persha polovyna 1940-h rokov). Kyiv: Stylos

⁵⁹ Danilevskii, I. (1999). *Drevniaia Rus' glazami sovremennikov i potomkov*. s. 171.

⁶⁰ Iakovenko, N. (2005). *Narys istoriji Seredn'ovichnoji i rann'omodernoji Ukrainy*. Kyiv: Krytyka; Iakovenko, N. (2012). *Ocherk istorii Ukrainy v Srednie veka i Rannee Novoe vremia*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, s. 103.

it is our country, this is our country and we need something to do with it⁶¹.

These historiographical and intellectual situations are described in Western historiography. Jonathan Friedman, for example, believes that

history is written as a certain concept of the selfness, which is based on the radical separation from any other identities⁶².

These intellectual practices and strategies are very productive for the development of national identities. The potential of these theories proposed by some Ukrainian and Russian historians is ignored in Russian historiography, but some Russian intellectuals prefer radical forms and versions of historical epistemology. They also ignore synthesised imperial and Soviet myths. Ukrainian historian Oleksii Tolochko in 2014 proclaimed ideas about the radical revision of old historiographical concepts. Even methodologically very radical and bold texts of Igor' Danilevskii only bring the reader to radical assumptions of Ukrainian historians. Oleksii Tolochko⁶³ suggested that it is more rational and logical for Russian historians to abandon Kievan myth as the starting point of Russian history and develop an alternative concept.

This new version will actualize the continuity between Novgorod and later Russian statehoods. A history of Russia and Ukraine in this context can be imagined as different histories with strong regional dimensions. Igor' Danilevskii and Natalia Iakovenko actually try to generate and promote new collective historical narratives based on the perception of Ukrainian and Russian histories as two different national histories. Ukrainian historiography achieved more strides and successes in the institutionalisation of national history than Russian, where ideas of

⁶¹ Tolochko, A. (2014). "Diskussii v istorii mogut dlit'sia vekami", *Polit.ru* 22 apreliia, retrived in http://polit.ru/article/2014/04/22/tolochko_interview1/

⁶² Friedman, J. (2001). History, Political Identity and Myth, Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. no 1.

⁶³ Tolochko, A. (2014). "Nado nauchit'sia vosprimit' svoiu istoriiu kak samostoitel'nuiu velichinu", *Polit.ru* 28 apreliia, retrived in http://polit.ru/article/2014/04/28/tolochko_interview2/

Igor' Danilevskii, who is full of scepticism in Kievan Rus' state status and the existence of old Russian nationality, are still unfortunately accepted as a form of intellectual heresy.

The inventing tradition of regionalism. It is logical to assume that the crisis of the Soviet historiography and its disintegration into new national historiographies actualized new interpretations of Kievan Rus' history and events of the post-Kiev period, including regional dimensions of the historical process. The regional dimensions of Ukrainian and Russian post-Soviet historiography were not actualized enough in modern historiographies. Ukrainian historian Iuliia Zernii indicates the need for “fundamental deconstruction of East Slavic unity myth”⁶⁴, but Russian historians persistently and consistently continue to develop old imperial myths and ignored regional dimensions and forms of the historical process.

The regional levels of Russian history of Kievan and post-Kievan periods partially are actualized in Novgorod narratives. Novgorod narratives were studied and analysed during the Soviet period, but Soviet historians preferred to integrate Novgorod images in general national context. De-ideologization of post-Soviet Russian historiography led only to the partial liberalisation of Novgorod historic heritage. Historiography focused on a history of medieval Novgorod, on the one hand, is too vast, extensive and varied⁶⁵. On the other hand, Novgorod narratives are particularly historical and sometimes political. Historiography focused on historical Novgorod studies proposes and produces mostly academic texts, it does not assist to the regional identities actualization. Aleksei Miller presumes that

⁶⁴ Zernii, Iu. (2008) ed. *Istorychna pam'iat iak pole zmahan' za identychnist'*: materialy “kruhloho stolu” 22 kvitnia 2008 roku. Kyiv: NISD, s. 27.

⁶⁵ Haliavin, N. (2009). *Obraz Velikogo Novgoroda v otechestvennoi istoriografii*. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 76 – 91; Makarov, N. (2009) ed., *Velikii Novgorod i Srednevekovaia Rus'*. *Sbornik statei k 80-letiiu akademika V.L. Ianina*. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli

the attempt of the center to affect on a regional component of the history teaching will encounter serious resistance in the regions⁶⁶

but this idea seems overly optimistic because the regional levels and dimensions of identity are not substantially actualized in historical imagination of contemporary Russia. Novgorod in the post-Soviet Russian historiography is linked with the unrealized scenario of democratic development. Novgorod is imagined as political alternative and opposition to non-democratic, pro-Asian and eastern Muscovy, but Novgorod narratives in modern Russia are deprived of historical imagination and cleaned from possible political context. Therefore, the faith of a few Russian intellectuals, who still believe in the possibility of radical methodological and epistemological renewal of Russian historiography, is too optimistic. For example, Dmitrii Furman is one of those intellectuals, who boldly declare that

Russia should be rethought as a national Russian state. This rethinking of imperial motives in Russian nationalism and Russian national feelings, in general, can be a very difficult process... the embryos of this rethinking and revision of Russian self-consciousness and its escape from imperial captivity developed... these elements are too vague... and contradictory consciousness of Russian nationalists who support Russian sovereignty and idealistic projects of radical democrats assumes the right to autonomy and independence of the “rest” of Russia in the Russian national state⁶⁷.

The proponents of this new radical historical epistemology tend to idealise some regional political institutions of Kiev, Novgorod and Kiev post-historical periods. Veche is one of the most popular and

⁶⁶ Miller, A. (2013). Rol' ekspertnyh soobshchestv v politike pamiati v Rossii, *Polittia*, no 4 (71), ss. 114 – 126.

⁶⁷ Furman, D. (2010). Ot Rossiiskoi imperii k russkomu demokraticeskomu gosudarstvu, *Neprikosnovennyi zapas*, no 5 (73)

mythologized institutions in the social history of Novgorod⁶⁸. Novgorod historical narratives are actively mythologised and it isn't easy to divide academic historiography and new nationalist mythologies. The academic historians in Russia are also inclined to idealise Novgorod historical heritage, but this mythologization is moderate. Novgorod historical myth in modern Russian historiography has some intellectual backgrounds. These ideas are the followings: Novgorod, unlike Moscow, developed in the context of European, Western and democratic representation traditions⁶⁹; Novgorod was historically focused on the West, it had developed relationships with economic European partners and they had the same importance as relations with Muscovy⁷⁰; relations between Novgorod and Kiev, Novgorod and Moscow were never perfect and peaceful, but developed as relations between two different states, including military conflicts and political confrontations⁷¹.

Novgorod veche is invented as the basis of a unique political culture and it is also the most attractive ideologem in contemporary historical Novgorod mythology in Russian historiography, but its potential remains

⁶⁸ Lukin, P. (2006). O sotsial'nom sostave novgorodskogo vecha XII – XIII vekov po letopisnym svodam. Gimon, T. (2006) ed. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2004. Politicheskii instituty Drevnei Rusi*. Moskva: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN. ss. 164 – 209.

⁶⁹ Ostashova, N. (2009). Istoricheskie simvoly Novgorodskoi vechevoi respubliki v politicheskoi pamiati Rossii. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 156 – 164; Petrov, A. (2009). K voprosu o haraktere i itogah sotsial'no-politicheskogo razvitiia Velikogo Novgoroda v XI – XV vekah. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 11 – 29.

⁷⁰ Kovalenko, G. (2009). Velikii Novgorod: vzgliad iz Evropy. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 3 – 16; Nikolaeva, L. (2009). Kul'turnye i iazykovye kontakty Novgoroda i Ganzy. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 17 – 23.

⁷¹ Nesin, M. (2009). Bitva mezhdu moskovskimi polkami i novgorodskoi sudovoi rat'iu bliz sela Korostyn' letom 1471 goda. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 189 – 194.

latent and untapped in Russia, where the representative institutions are purely decorative and develop in the shadow of the executive power. It is logical to assume that in Russian historiography Novgorod historical regionalism originated and developed. The supporters of the imagined and invented Novgorod historical regionalism develop mainly socio-economic and political regionalism. They prefer to insist that Novgorod historically, socially, politically and economically was too different from other regions of the Kievan Rus' and states of the post-Kiev era. The domination of social and political regionalism excludes the actualization of the ethnic, cultural and linguistic component in the historical development of Novgorod phenomenon in Kievan and post-Kievan periods.

From invented traditions to their deconstruction. “Imagined communities” and “invented traditions” concepts belong to a number of intellectual constructs, projects and achievements of the post-modernist historiography. The doubts and distrusts are among system features of historiography in the post-modern era. The “imagination” and “invention” constructs are not something primordial and historian is free to abandon or accept them. Historiographical imagined and invented theories and concepts including “old Russian nationality” and “Eastern Slavic unity” can be and should be revised as theoretically exposed. The deconstruction is the most radical form of this possible intellectual revision. The deconstruction of the past achievements in historiography, that lost their meanings, becomes part of the historical political myths which are still extremely important for historical science. Mihail Boitsov⁷² presumes that national histories in the postmodern world are losing their importance and necessity. Commenting on the role of deconstruction, Russian historian Boris Kolonitskii emphasises that

a deconstruction of history and myths debunking are among my lovely methods. The profession of historian also pushes me to this.... historian deconstructs all the time, reveals the details of

⁷² Boitsov, M. (2013). Neskol'ko melanholicheskikh razmyshlenii ob istorike i globalizatsii, Dufaud, G., Garreta, G., Pimenova, L. (2013). eds, *Kak my pishem istoriiu*. Moskva: ROSSPEN. ss. 393 – 413.

contradictions. Professional historians are known as suspicious people ... I would name another reason for our interest in the topic of “design” and “deconstruction” ... this approach proves the social importance of his profession for historian ... it could have the opposite effect, historians may say, “if history is invented - is it science in general?”... historians, deconstructing historical myths, prove the importance of their craft for society, they belong to... deconstruction of historical myths sometimes can be understood as the revenge of historians to society that does not recognise them⁷³.

This possible and hypothetical deconstruction of East Slavic historiographical myth will not lead to significant consequences and changes for Ukrainian historiography. The deconstruction of historical memory and collective representations about the past historiographically stimulate different ideas about national histories. Russian historian Nikolai Kopusov⁷⁴ believes that various particularistic identities in the contemporary post-national world become more influential. Therefore national schemes of general histories gradually are replaced by recognition of unpleasant for traditional historiography fact that numerous histories with strong and expressed regional levels form the core and the main vectors of the development of modern historical imagination.

The general scheme of Ukrainian history is developed and politically institutionalised. It is based on the principle of ethnocentrism and continuity between Kievan Rus' and other states that historically were located in the territory of modern Ukraine. The consequences of this deconstruction for Russian historiography can be more significant. The hypothetical rejection of Kievan heritage can be an important stimulus for the development of national and historical imagination. The author believes that modern Russian historiography of Kievan Rus' history and its later historical heirs develop in inertia based model. The old

⁷³ Kolonitskii, B. (2009). Istoriki, dekonstruiuiu istoricheskie mify, dokazyvaiut obshchestvu vazhnost' svoego remesla, retrived in <http://urokiistorii.ru/current/view/2009/10/kolonitskii>

⁷⁴ Kopusov, N. (2013). Istoricheskie poniatia v mire bez budushchego, Dufaud, G., Garreta, G., Pimenova, L. (2013). eds, *Kak my pishem istoriiu*. Moskva: ROSSPEN. ss. 57 – 93.

historiographical description and interpretation dominate, alternative viewpoints in Russian historiography are almost invisible. The deconstruction of extremely ideologized and mythologized “old Russian nationality” and “Eastern Slavic unity” concepts in Russian historiography is extremely hypothetical and speculative. The author presumes that this transformation can provide the professional historical community with the new vectors of development that will positively affect on transformations of historical imagination.

From constructivism to a new historiographical agenda. Where can we come after the possible rejection of “old Russian nationality” concept? How will we write a history of Russia in isolation from Kievan mythical heritage in our collective historical imagination? Will the regional factor active in processes of development and transformation of historical imagination and historical consciousness in Russia? Our possible and hypothetical answers these questions can help us to formulate a new agenda for the historical community in Russia.

The rejection of “old Russian nationality” concept will stimulate the development of national and historical imaginations and inspire historians to search new ancestors which will not common with ancestors of political and geographical neighbours. These changes will assist in the transformation of collective historiographical representations of Kievan Rus’. The idea that early medieval Russian state was a country of some strange old Russian nationality and common state of three eastern Slavic nations is an anachronistic and politically motivated concept. It is difficult to perceive the Kievan Rus’ as a state because it was not a single state in the modern understanding of this political concept. Arab sources of the 10th century fixed three (Kūyāba, Ṣalāwiya, Artāniya) East Slavic “states”. The rise and development of Kiev and Novgorod did not lead to the complete unification of regional processes and features. After *kniaz*’ (prince) Igor massacre by *drevliane* Olga who persecuted their prince Mal.

The princes are mentioned in treaty with Byzantium in the 944. In the 978 Vladimir captured Polotsk and killed local prince Rogvold, but

that did not stop the region from further secession from Kiev. Russian state in the 11th, 12th and 13th centuries wasn't united and of every death of *velikii kniaz'* (great prince) provoked territorial fragmentation. Kievan Rus' as a state existed only in historical and political imaginations of historians in the 20th century. The belief in the idea of old Russian nationality makes it difficult to search, imagine and invent historical and political ancestors of modern Russia.

The role of Novgorod in development and transformation of traditions of statehood was ignored. The actualization of Novgorod narratives can assist to the development of new schemes of Russian history that needs secession from Kievan Ukrainian history. It is very interesting to imagine how great historical narratives in Russia will develop if they will be free from the ideological bondage and purify from Moscow centrism and domination of social and economic history. It is enough to recall the highlights of Kievan Rus' political history to understand that the political aspirations and potentialities of Novgorod did never coincide with Kievan political preferences. Ancient Russia was not among geographically and territorially stable states. The Novgorod secessions attempts confirm this presumption. A history of Russia as a nation-state in this context can be started with a history of Novgorod, and Kiev in this context can be imagined as Ukrainian political usurper. Novgorod centrism in a history of Russian state can positively influence on the actualization of the regional levels and dimensions in the post-Kievan historical processes.

A history of Russia after Mongols conquest may be imagined in a regional coordinate system. The refusal from Moscow-centered historiographical canon can be very productive for the development of national historical imagination. Novgorod and Pskov feudal republics, the Grand Principedom of Tver', Riazan' Principedom, Viatka land, Uglich Principedom can be imagined as proto-national Russian states, regional forms and levels of historical process or victims of Moscow aggression. Deconstructing official forms of history can assist to the abandonment of positivist version of history as predominantly political eventual history. Several versions of a history or regionalized historical processes

can replace old general schemes or coexist with other versions of Russian history.

These histories can be imagined in various systems of theoretical and methodological coordinates. Unfortunately, the reality of modern Russian historiography is completely different. Historical studies continue to evolve in a traditional coordinates system, and a history is still written as a predominantly political and socio-economic. Russian historiography continues to develop in the conservative inertia model. The transformation of this archaic theoretical and methodological viewpoints and canons of history writing will become possible only after several generations of the post-Soviet historians will change. The new versions and interpretations of a history are hypothetical and their appearance is possible theoretically, but it is a question of an uncertain future.

Bibliography

1. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso
2. Baran, V. (1998). *Davni slov'iany*. Kyiv: Vydavnychi dim "Al'ternativy"
3. Boitsov, M. (2013). Neskol'ko melanholiceskikh razmyshlenii ob istorike i globalizatsii, Dufaud, G., Garreta, G., Pimenova, L. (2013). eds, *Kak my pishem istoriiu*. Moskva: ROSSPEN. ss. 393 – 413.
4. Danilevskii, I. (2015). "Tam, gde my ozhidaem uvidet' odno, liudi proshlogo vidiat drugoe", *Arzamas*, 2015, 12 – 18 marta, <http://arzamas.academy/materials/469>
5. Friedman, J. (1992). Myth, History, and Political Identity, *Cultural Anthropology*. Vol. VII.
6. Friedman, J. (2001). History, Political Identity and Myth, *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. no 1.
7. Froianov, I. (1978). Drevnerusskaia narodnost', Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 36 – 42.
8. Froianov, I. (1980). *Kievskaa Rus'*. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta

9. Froianov, I. (1990). Sovetskaia istoriografiia drevnerusskoi narodnosti, Froianov, I. (1990). Kievskaiia Rus'. *Ocherki otechestvennoi istoriografii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, ss. 6 – 29.
10. Furman, D. (2010). Ot Rossiiskoi imperii k russkomu demokraticeskomu gosudarstvu, *Neprikosnovennyi zapas*, no 5 (73)
11. Gadlo, A. (1978). Etnogenez vostochnyh slavian, Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 13 – 35.
12. Gadlo, A. (1978). Vostochnye slaviane, Rus' i neslavianskie plemena Vostochnoi Evropy, Mavrodin, V. (1978), ed. *Sovetskaia istoriografiia Kievskoi Rusi*. Leningrad: Nauka, ss. 43 – 60.
13. Haliavin, N. (2009). Obraz Velikogo Novgoroda v otechestvennoi istoriografii. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 76 – 91.
14. Hobsbawm, E., Ranger, T. eds. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.
15. Holubets' M. (1935). Velyka istoriia Urkajiny. L'viv: Vydavnytstvo Ivana Tyktora
16. Hrushevs'kyi, M. (1904 – 1907). Istoriiia Ukrajiny-Rusy. L'viv
17. Hrushevs'kyi, M. (1904). Zvychaina skhema “russkoi” istoriji ji sprava ratsional'noho ukladu istoriji skhidnoho slov'ianstva, Wynar, L. (1985). Najvydatnishyi istoryk Ukrajiny Mykhailo Hrushevs'kyi (1866 – 1934). [n.p.]: Suchasnist'
18. Hrushevs'kyi, M. (1913). Illiustrirovannaia istoriia ukrainskogo naroda. Sankt-Peterburg
19. Hrytsak, Ia. (2003). Ukrainaskaia istoriografia. 1991 – 2001. Desiatiletie peremen, *Ab Imperio*, no 2
20. Iakovenko, N. (2005). Narys istoriji Seredn'ovichnoji i rann'omodernoji Ukrajiny. Kyiv: Krytyka
21. Iakovenko, N. (2012). Ocherk istorii Ukrainy v Srednie veka i Rannee Novoe vremia. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
22. Ianov, A. (2005). V nachale byla Evropa. U istokov tragedii russkoi gosudarstvennosti, <http://polit.ru/article/2005/08/26/intro/>
23. Iusova, N. (2001), Heneza kontseptu “davn'iorus'ka narodnist'” u radians'kii istorychnii nautsi, *Ukrajins'kyi istorychnyi zhurnal*, mo 6, ss. 35 – 64.
24. Iusova, N. (2001), Henezys kontseptsiji davn'iorus'koi narodnosti v istorychnii nautsi SRSR. Vinnytsia: Konsol'
25. Iusova, N. (2006). “Davn'iorus'ka narodnist'”: zarodzhennia i stanovlennia kontseptsiji v radians'kij istoruchnij nautsi (1930-ti – persha polovyna 1940-h rokiv). Kyiv: Stylos

26. Kas'ianov, H. (2009). Natsionalizatsiia istorii v Ukraine, retrived in <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ucraine.html>
27. Kohut, Z. (2004). Korinnia identychnosti. Studiji v rann'omodernoji ta modernoji istoriji Ukrajinu. Kyiv: Krytyka
28. Kolonitskii, B. (2009). Istoriki, dekonstruiruia istoricheskie mify, dokazyvaiut obshchestvu vazhnost' svoego remesla, retrived in <http://urokiistorii.ru/current/view/2009/10/kolonitskii>
29. Kuposov, N. (2013). Istoricheskie poniatii v mire bez budushchego, Dufaud, G., Garreta, G., Pimenova, L. (2013). eds, *Kak my pishem istoriiu*. Moskva: ROSSPEN. ss. 57 – 93.
30. Kostomarov, N. (1863). Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada (istoriia Novgoroda, Pskova i Viatki). Sankt-Peterburg: Obshchestvennaia pol'za
31. Kostomarov, N. (1903). Dve russkie narodnosti, Kostomarov, N. (1903). *Istoricheskie monografii i issledovaniia*. Tom 1. Sankt-Peterburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, ss. 31 – 65.
32. Kostomarov, N. (1903). *Sobranie sochinenii*. Sankt-Peterburg
33. Kotliar, M. (1998). *Drevnerusskaia gosudarstvennost'*. Sankt-Peterburg: Aleteia
34. Kovalenko, G. (2009). Velikii Novgorod: vzgliad iz Evropy. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 3 – 16.
35. Lindner, R. (1997). Niazmennasts' i zmeny ŭ postsavetskai historyiahrافی Belarusi, *Belarusika. Albaruthenica*, vol. 6, no 1
36. Lindner, R. (1999). New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus, *Nationalities Papers*, vol. 27, no 4.
37. Lukin, P. (2006). O sotsial'nom sostave novgorodskogo vecha XII – XIII vekov po letopisnym svodam. Gimon, T. (2006) ed. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2004. Politichesskie instituty Drevnei Rusi*. Moskva: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN. ss. 164 – 209.
38. Makarov, N. (2009) ed., *Velikii Novgorod i Srednevekovaia Rus'*. Sbornik statei k 80-letiiu akademika V.L. Ianina. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli
39. Mavrodin, V. (1939). *Obrazovanie Russkogo natsional'nogo gosudarstva*. Leningrad – Moskva: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo
40. Mavrodin, V. (1945). *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta
41. Mavrodin, V. (1946). *Drevniaia Rus'*. Proiskhozhdenie russkogo naroda i obrazovanie Kievskogo gosudarstva. Moskva: Ogiz

42. Mavrodin, V. (1951). *Obrazovanie edinogo Russkogo gosudarstva*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta
43. Mavrodin, V. (1971). *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoi narodnosti*. Moskva: Vysshaia shkola
44. Mavrodin, V. (1978). *Proiskhozhdenie russkogo naroda*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta
45. Miller, A. (2013). Rol' ekspertnyh soobshchestv v politike pamiaty v Rossii, *Politiia*, no 4 (71), ss. 114 – 126.
46. Nasonov, A. (1951). “Russkaia zemlia” i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR
47. Navuka ta stratehii pratsy z minulym. Diskusiiia ŭ mezhah seminara “Suchasnae belaruskae myslenne”, Instytut satsyialogii, Instytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda, *Palitychnaia sfera*, 2006, no 6
48. Nesin, M. (2009). Bitva mezhdu moskovskimi polkami i novgorodskoi sudovoi rat'iu bliz sela Korostyn' letom 1471 goda. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 189 – 194.
49. Nikolaeva, L. (2009). Kul'turnye i iazykovye kontakty Novgoroda i Ganzy. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 17 – 23.
50. Ostashova, N. (2009). Istoricheskie simvoly Novgorodskoi vechevoi respubliki v politicheskoi pamiaty Rossii. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 2, ss. 156 – 164.
51. Petrov, A. (2009). K voprosu o haraktere i itogah sotsial'no-politicheskogo razvitiia Velikogo Novgoroda v XI – XV vekah. Tereshkina, D. (2009). ed. *Novgorodika-2008. Vechevaia respublika v istorii Rossii*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, vol. 1, ss. 11 – 29.
52. Pivtorak, H. (2001). Pohodzhennia ukrajintiv, rosiian, bilorusiv ta jihnih mov. Mify i pravda pro tr'oh brativ slov'ians'kyh zi “spil'noji kolysky”. Kyiv: Akademiia
53. Sedov, V. (1999). *Drevnerusskaia narodnost'*. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Moskva: Iazyki russkoi kul'tury
54. Shnirel'man, V. (2003). *Voiny pamiaty. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e*. Moskva: Akademkniga
55. Smith A. (2002). Natsionalizm i istoriki, *Natsii i natsionalizm*. Moskva: Praksis
56. Thomson, D. (1968). Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers, *Encounter*, vol. 30, no 6.

57. Tihomirov, M. (1950). Kyjivs'ka Rus', *Naukovi zapysy Instytutu Istoriji AN URSS*, vol. 3, ss. 18 – 35.
58. Tihomirov, M. (1954). Znachenie Drevnei Rusi v razvitii ruskogo, ukraïnskogo i belorusskogo narodov, *Voprosy istorii*, no 6, ss. 19 – 26.
59. Tolochko O. (1994). Rus': derzhava i obraz derzhavy. Kyiv: Instytut istoriji NAN Ukraïny
60. Tolochko, A. (1999). Himera Kievskoi Rusi. *Rodina*, no 8, ss. 28 – 30.
61. Tolochko, A. (2014). "Diskussii v istorii mogut dlit'sia vekami", *Polit.ru* 22 apreliia, retrived in http://polit.ru/article/2014/04/22/tolochko_interview1/
62. Tolochko, A. (2014). "Nado nauchit'sia vosprinimat' svoiu istoriiu kak samostoiatel'nuiu velichinu", *Polit.ru* 28 apreliia, retrived in http://polit.ru/article/2014/04/28/tolochko_interview2/
63. Tolochko, P. (1987). Drevniia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Kiev: Naukova dumka
64. Tolochko, P. (2005). Drevnerusskaia narodnost'. Voobrazhaemaia ili real'naia. Sankt-Peterburg: Aleteya
65. Tolochko, P. (2008). Kyjivs'ka Rus', Kyiv i Rus', Tolochko, P. (2008). *Vybranni tvory 1998 – 2008 rokiv*. Kyiv: Akedemperidika. ss. 7 – 28.
66. Tolochko, P. (2008). O iazyke drevnih kievlian i novgorodtsev, Tolochko, P. (2008). *Vybranni tvory 1998 – 2008 rokiv*. Kyiv: Akedemperidika. ss. 258 – 267.
67. Tolochko, P. (2010). Drevnerusskaia narodnost'. Voobrazhaemaia ili real'naia. Kiev: Adef-Ukraïna
68. Usmanova, D. (2003). Sozdavaia natsional'nuiu istoriiu tatar: istoriograficheskie i intelektual'nye debaty na rubezhe vekov, *Ab Imperio*, no 3
69. Varnavskii, P. (2003). Granitsy sovetskoi buriatskoi natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 – 1929 godah v proektah natsional'noi intelligentsii i natsionalbol'shevikov, *Ab Imperio*, no 1
70. Zalizniak, L. (1997). Vid sklavyniv do ukraïns'koji natsiji. Kyiv: Vydavnytsvo "Biblioteka ukraïntsia"
71. Zernii, Iu. (2008) ed. *Istorychna pam'iat iak pole zmahan' za identychnist': materialy "krublobo stolu" 22 kvitnia 2008 roku*. Kyiv: NISD
72. Zwiklinski, S. (2003). Tatarizm vs bulgarizm: "pervyi spor" v tatarskoi istoriografii, *Ab Imperio*, no 2

Russian World In Ukraine: Soft Power implementation in Crimea and “Novorossia”

In this paper the author marshals the implementation of soft power throughout the articulation of the concept of the Russian World in Russian political discourse. The article applies such discourse based on the empirical example of Ukraine, Crimea before 2014 and Novorossia. The thesis is also important showing in a theoretical fashion that soft empowerment is not only the tool of statecraft used by Western Democratic states, rather than multiple and universal political notions.

Key Words: Rothman, Nye, soft power, discourse, Crimea, “Novorossia”

В статье автор анализирует имплементацию мягкой силы Российской Федерации на примере Украины через идею Русского Мира. Данный анализ необходим для иллюстрации, как не-демократическая политическая сила способна сконструировать концепт мягкой силы, что отрицал Най в работе 2004 года.

Ключевые слова: Роттман, Най, мягкая сила, дискурс, Крым, “Новороссия”

The concept of the Russian World has a long history and, as such, was born in the 90s. In 2014, Vladimir Putin described the concept of the Russian World as «русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами. Почаще употребляйте это словосочетание — «русский мир». (Sycheva, 2007) The current concept includes socio-cultural, political, historical, linguistic and philosophical aspects, variously examining and revealing such an idea¹.

In our analysis we try to present the image of the Russian political World, throughout the prism of non-tangible aspects, namely the concept of soft power.

The main means of promotion of the Russian World is not policy material presented above, but non-material. I believe that one of the best

¹ Main sources used: Marlene Laurelle (2004), (2015), (2015). Oleksii Polegkyi (2011). Igor Zevelev (2014), (2016). Andis Kudors (2015). Givi Gigitashvili (2016). Пётр Щедровицкий (2000). Orysia Lutsevych (2016).

theoretical adaptation of the concept of soft power was produced by Rothman. (Rothman, 2011 p.50-51) The analysis of soft power provided by Rothman is extremely profound: the author focuses on the typology of power, the so-called "dichotomous and continuous power". In his interpretation, "soft power" should include institutional (agenda-setting) and rhetoric (attraction) forms of empowerment. The scholar also shows the mechanisms for the application of soft power. Rothman identifies the following mechanisms in a way of norm diffusion and rhetoric and discourse control. In fact, the focal point is the discursive spread of what the government finds as normal and right. Such norms can exist on several levels of states (in this case, Ukraine and Russia) relations: from interstate-level, to some sub-national minorities, or segments of the population sharing a collective identity. Rules can be distributed through various groups, societies. Strategically speaking, the creation of certain identical/rhetorical discourses is important for the actors of world politics in the spread of its influence. It is worth noting that this intellectual framework allows to say that soft power is a socially constructed concept, and therefore has a certain mobility and flexibility, and, moreover, as noted by J. Mattern (Mattern, 2005 p. 595) legitimacy. «Legitimacy, that is, is the core of the process by which attraction is socially constructed. Legitimacy is taken as a necessary condition for true argument (and thus persuasion)». (ibid)

It is important to note that the concept of the Russian World is built, of course, on the basis of Russia's political conservatism, which appeared shortly after the election of Putin for a third term in 2012. It is easy to see if only we list the main aspects of the New Concept of Russian Foreign Policy: morality/spirituality, justice, dignity, responsibility, honesty, clemency, assibillity.

The Kremlin understands morality as respect for "traditional" values: the heterosexual family (non-recognition of LGBT rights); an emphasis on having children as a basis for individual life but also for the country's demographic health; the fight against alcoholism; and respect for the elderly and for hierarchy. This has been put into practice in a series of new laws, or draft laws, since 2012, including the law against so-

called gay propaganda, the anti-blasphemy law in response to the Pussy Riot trial, the Internet restriction bill in the name of child protection, the ban on obscene language in movies, books, and music, and others. (Laurelle, 2015 p.20-21)

We noted above that soft power has two basic forms namely, institutional (agenda setting) and rhetoric (norms distribution). Regarding Russia's policy on Ukraine, Novorossia and Crimea (until 2014); the latter has always been implemented in the aftermath of the former. Institutionalization occurs mainly through the proliferation of NGOs. In her article, Orysia Lutsevych mentions 59 organizations operating in Russia and abroad, the typology of which is held by the following parameters: Key state foundations(6) (Orysia Lutsevych, 2016 p.11), Key Russian compatriot networks(4) (ibid. p. 14) Key groups promoting the Russian historical narrative(6) (ibid. p. 17), Key ideological groups(6) (ibid. p. 19), Key Eurasian integration groups(7) (ibid. p. 20), Key groups youth(7) (ibid. p. 23), Main Orthodox organizations and charities(7) (ibid. p. 25), GONGO democracy and human right groups(7) (ibid. p. 27), Key neo-imperial and paramilitary groups (9) (ibid. p. 29). Obviously, in the interpretation of Rothman, through such organizations provided by agenda-setting, the norms diffusion has been done in a more efficient way. Complementary methods of soft empowerment might be citizenship policy (Laruelle, 2015 p. 10-11), passportization (Roslycky, 2011 p. 307-308) and repatriation programs.

Providing the essay with such theoretical framework let us discuss Russian policy towards Crimea before the takeover in 2014 as an example of perfect soft empowerment of the neighbourhood state. The source we use is the article written by Lada L. Roslycky (ibid.) in 2011 that discovers mechanisms of Russia's 'smart power' in Crimea. Preliminarily it should be noted that, after the collapse of the Soviet Union, separatism of national minorities has become almost the main obstacle to the securitisation of nation-States. The author mainly focuses on the mechanisms of Russia's soft power through the mobilising of such separate minorities. We have already identified the main organisations operating in Crimea at the time of 2011, and now I shall

reveal the essence of some of them throughout the concept of soft power. 'Russian community of Crimea' is the most politicised one and has the largest number of members — 15,000 (ibid. p. 306). Thus, the organization is the main cultural and socio-political instrument for the implementation of pro-Russian policy on the peninsula. It's also officially supported by the Fund of the Moscow mayor called 'Moscow-Crimea'. The second one, 'Sevastopol-Crimea-Russia' is more radical, and is also known for its actions on burning of Ukrainian books, naming the Ukrainian patriots and NATO soldiers as 'Nazis', and urges the Russian authorities to annex Crimea (ibid. p. 307). Such labeling of the Patriotic forces, say, Crimean Tatars as 'Nazi collaborators' also helps spread a certain discourse and the separation of what is normal and what is abnormal promoting a certain type of agenda in Rothman's terms. The agenda-setting diffusion occurs as an institutional soft-empowerment by means of passportisation (ibid. p. 307-308) policy. Up to 170,000 citizens of Crimea received passports by means of a relatively easy criteria, while in 2008, the Minister of foreign Affairs of Ukraine declared the violation of the sovereignty of the country. Such a policy in a compartment gives a striking result: the playing on the contradictions of Slavs and Tatars, naming one 'the Nazis', along with the institutional policy allows to achieve a certain pro-Russian discourse on the Peninsula. It is worth noting the role of the Orthodox Church, promoting the concept of "Russian world" as a separate instrument of Russian political appeal for national minorities. The focal point, is that such a discourse has also been named as legitimate, that is, to be more precise, reflecting the general intensions of people of Crimea. The discursive construction of policy by souring the anti-Ukrainian separatist elements, along with the institutional policy (passportization), and the presence of the Russian Fleet based in the Black Sea, 'smart power' of Russia in Crimea proved to be very effective and came to fruition in form of hard power in 2014.

The issue of Novorossia is also extremely peculiar in a way of spreading the concept of Russian World the essential part of which is no doubt Eastern Ukraine (Marlene Laurel, 2015). In her article, Marlene Laurelle, deconstructs the notion of Novorossia showing its separate

parts as post-neo-communist, white-neo-imperial and fascist one. It is easy to notice that the main source of discourse diffusion is the institutionalized policy implemented by the occurring of NGOs such as Izborsky Club, Restruct, Russkii Mir Evrazii, Molodaya Evrazia, Chernya Sotnya (ibid. p.13-17), and others, presenting different images of Novorossia's ideological spectrum, from red soviet to neo-nazi and imperial ones. Such organisations help Russia (I would argue in a more indirect way) to spread a certain type of discourse.

The red one justifies the insurgency in the name of an anti-Western geopolitics, Russia's destiny to be a large territory, and the Soviet memory that makes Donbas a region proud of its industrial legacy and showing the way for a new socialist Russia. The white one hopes the current insurgency opens the path to a renewal of political Orthodoxy that would confirm Russia's status as the herald of conservative Christian values and, for some, spreads nostalgia for monarchy. The brown one sees in Donbas a new battlefield where Aryan supremacy could defeat Europe's decadence, and where young people can be trained in urban warfare to prepare for an overthrow of the regimes in power across Europe. (ibid. p. 17)

All these discourses contribute to the Russian World's 'rizhomatic' nature. For example, anti-semitism may consider jews as oligarchs and bankers, enemies of people of Novorissia striving for one's economic and political subservient role; Anti-Westernism, naturally, has been penetrated in the notion of Novorossia as a battlefield between Western 'liberals' and separatist standing for their independence and freedom. But Russian authorities never took into consideration such discourses, at least publicly therefore we must notice, that the discourse crystallised from these organisations is far from the authorities aspirations. In fact this dichotomy between direct soft empowerment in Crimea and indirect one in Novorossia makes these regions in terms of policy slightly different. Moreover, a lot of people in Donbas are still in favour of the officially ruling Kiev government (ibid. p. 13). It appears that Novorossia became the notion rather than the place of state's

empowerment. In Laurelle connotation Novorossia is a vivid proof of Russia soft empowerment:

The Kremlin silenced the more radical figures linked to the Izborsky Club and organized Strelkov's removal from his pedestal, while being cautious to avoid any uncontrolled "heroization" of the insurgents and of the fallen soldiers. The Russian regime has thus succeeded in keeping these nationalist forces in check, but rising nationalism of various strains has been an undeniable trend for many years.

The region of Ukraine is rather important for study as it explicitly shows Russia's soft power implementation throughout the prism of Russian World. Ukraine as a part of the Near Abroad has been drawn in Russian World topography as well as Moldova, Belarus, Baltic states, countries of South Caucasus, and so on. Through the spread of NGO and discursive attraction that promote Russian community fraternity, Eurasian ideas and neo-imperial notions, the Russian World policy became applicable as a part of soft empowerment in Crimea and Novorossia and, noteworthy, extremely successful. The example of Russia is significant because it shows not only the efficiency and diversity of the forms of soft power and its application in Russian World concept, but that soft power is not only an exceptional tool of political influence of Western countries and sovereign democracies but a much more broader theoretical concept.

References

- Zevelev, Igor. 2016. The Russian World in Moscow's Strategy
- Zevelev, Igor. 2016. The Russian World Boundaries
- Kudors, Andis. 2015. «Русский мир» — от концепции «мягкой силы» до обоснования войны
- Лидия Сычёва. Русский язык, русская культура, русский мир // РФ сегодня. — 2007. — № 4.
- Gigitashvili, Givi. 2016 “Russian World” Concept and Securitization of Collective Identity
- Пётр Щедровицкий. 2000. Русский мир и Транснациональное русское
- Light, Margot. 2003. In Search Of An Identity: Russian Foreign Policy And The End Of Ideology
- Laurelle, Marlene. 2015. “Russian World” Russia's Soft Power And Geopolitical Imagination.
- Laurelle, Marlene. 2015. The three colors of Novorossiya, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis
- Laurelle, Marlene. 2004. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire
- Rothman, Steven. 2011. Revising The Soft Power Concept: What Are The Means And Mechanisms Of Soft Power?
- J. Mattern. 2005. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics
- Lutsevych, Orysia. 2016. Agents Of The Russian World Proxy Groups In The Contested Neighbourhood
- Roslycky, Lada. 2011. Russia's Smart Power In Crimea: Sowing The Seeds Of Trust

Miscellanea

Никита НЕКЛЮДОВ

Искушение прошлым, или заметки (не)стороннего наблюдателя у парадного подъезда российской политической идентичности

В статье автор рассуждает на тему советского прошлого и его осмысления гражданами России на примере последних статистических данных, приведенных в таких центрах изучения общественного мнения как ВЦИОМ и Левада Центр. К чему может привести заигрывание с тоталитарным прошлым а также какова проблема осмысления тоталитаризма через германский опыт - все эти вопросы ставит перед собой автор в статье «Искушение прошлым».

Ключевые слова: Сталин, народ, ВЦИОМ, Пивоваров, террор, Мережковский.

The following paper explores the issue of totalitarian past and the reflection of one that has being made by people of Russia. The author uses the brand new data provided by Levada Centre and VCIOM. What are prerequisites and possible consequences of unexamined past? How can the Soviet case be revised throughout the prism of German experience? All these facets have been questioned in the following article «The Temptation of the Past»

Key Words: Stalin, people, VCIOM, Pivovarov, terror, Merezhkovsky.

44

8 мая 2011 года, находясь в электричке «Москва-Гагарин» академик РАН Ю.С.Пивоваров наблюдал, размышляя, следующую картину [12 С. 91]: «Народу в вагоне набилось немислимо... Мне повезло, я сидел у окна и от нечего делать такое вот придумывал. И вдруг неподалёку от меня начался стихийный митинг против десоветизации. Его закотеперщиками стали мужик средних лет с пачкой газет «Правда», «Советская Россия», «Завтра», и пожилая женщина, крашенная в ярко-медный тон. Они в унисон кричали, что завтра великий праздник, фашистов разбили, а есть некоторые, одетые с иголочки, ботинки блестят, знамо где покупали, которые

хотят лишить нас Победы. А это наш советский праздник, мы здесь все люди советские, Сталин никого зря не сажал. А женщина еще в паузу добавила: мне мать говорила, что он ни одного хорошего человека не убил, ни одного. Что убивал и сажал, тут же дополнила она, что время такое было. Везде, все убивали, все сажали. И вдруг поразив меня прямо в сердце: а Робеспьер их сколько людей казнил! То-то! И весь вагон зашумел, заголосил. Правильно говорят. Нападают на нас, последнего хотят лишить, мы советские люди. Минут через пятнадцать успокоилось, многие вышли в Голицыно, Тучково. Василий Васильевич Розанов так приветствовал большевистскую революцию: «Ты победил, проклятый хохол». Прошло почти сто лет с момента Розановского восклицания, и вот я сегодня твержу: «Ты победил, проклятый грузин».

Читая это, вспоминаю кадры хроники 1936 года: женщина-рабочий, одетая в белый халат и в чепце, кричит толпе, махая кулаком: «Они пытались отнять у рабочего класса, всего мирового пролетариата, самое ценное, самое доброе, нашего любимого, родного, товарища Сталина. Никакой пощады врагам, расстрелять всех до одного, как бешеных собак!» «Смерть изменникам родины!» - страшным рыком восклицает толпа.

Странно, что поначалу не пришло на ум и другое, не менее страшное предсказание Герцена в «Концах и началах» [6 С.286]: «Мещанство победит и должно победить». Правда, сказанное относится к Европе, но как не мещанство духовное или, выражаясь языком Д.С. Мережковского, хамство роднило нас с Европой в первой половине XX века? «И русская революция, приняв от Европы ту же свободу антихристову, провалилась в большевизм — безличное равенство», - напишет он в записной книжке 1920 года. «Свобода антихристова», о которой всегда твердил Мережковский эмиграции, - волна Европейского тоталитаризма, незаконнорожденное дитя войны 1914 года, - идея, увлечшая за собой, говоря о России, не только её «Советскую» часть, но и ту, которая была выдворена за порог, очутилась «на фабриках, в шахтах, за рулём такси». [5 С.56] Увлечение фашизмом, который к

тому времени еще не был привязан к Муссолини и обозначал «всякие формы тоталитаризма и терроризма», было в русской эмиграции повсеместным, «как слева, так и справа». Но эти идеи в итоге были развеяны самой страшной в истории человечества войной 1939 - 1945 года и обернулись, как писал П.Б. Струве, «борьбой за правовой строй в сознании лучших русских людей». От себя добавлю: обернулось также и уходом в «Сопротивление», «Войска свободной Франции», и кончиной - от песков Эль-Аламейна до застенков Бухенвальда. Кровью «та Россия» искупила себя: и грех «слабой интеллигенции», как называли её и Горький, и Бердяев, и грех увлечения фашизмом. Искупила и те одиннадцать тысяч душ, кто, будучи русскими эмигрантами, слепо ушли за Гитлером в Охранный корпус.

В России «Советской» эта «свобода антихриста» живет и поныне. Не потому ли, что Антихрист России вовсе не Петр Мережковского, не «мертвый позитивизм казённости», а народ её? «Страшен Царь-Зверь, но еще страшнее Зверь-Народ. У царя Николая был Распутин, у царя-народа - Ленин. Тот - мужик; этот - интеллигент; тот блудник и пьяница; этот - скопец и трезвенник; тот - изувер с Богом; этот - без Бога. Как различны и подобны!» Оттого и борьба с ним - давно уже не на полуострове Галлиполи, и не в пустынях Северной Африки, где билась Белая Россия, а борьба эта - в умах и в убеждениях.

Это эссе призвано открыть читателю хотя бы малую часть того, с чем столкнулась, но так и преодолела Россия. Всё превозмогли: голод и войну, "тюремные очереди Ленинграда", но это, как искушение незримого дьявола, - осталось с нами. Незавидно наследство твоё, Россия Царская: «Откажи делиться с детьми рабочих духовным, и они, став взрослыми, потребуют коммунистического передела материального». Наше молодое поколение России роднит с тем поколением Царской России именно то, что нам выпало довершить борьбу с этим детищем.

Как я уже сказал, эта идея страшна тем, что она, как и любая другая идея тоталитаризма, поразила весь народ. «Пирамида

самодержавия», где на вершине был царь, как назвал режим Николая II Мережковский, с легкостью опрокинулась вниз - теперь на вершине народ, а на острие - давно не царь. Теперь там - свободный человек. Он один, на острие истории, и он - один в борьбе с народом, обездоленным, как раньше, воинствующим и сраженным искушением дьявола. Вот она, пирамида России XXI века.

Идея советского тоталитаризма была поначалу мифическим чудовищем России - кружком Петрашевцев, «Черным переделом» Г.В. Плеханова и его «книжно-кабинетным истолкованием Марксизма». Реальные же черты чудовища она стала приобретать в работе «Что делать?» Ленина, в его образе пролетарского революционера, «который не остановится ни перед какими средствами». У этого чудовища, как у Хама Мережковского, три лика, смотрящих с вожделием на дух, плоть и разум России. Что значили те лики? С разумом России большевизм боролся уничтожая индивидуальную свободу личности. Свобода объявлялась главным врагом коммунистического режима: «Верховной ценностью тоталитаризма является абсолютное властвование, означающее подавление какой бы то ни было свободы, в чём бы она не проявлялась». [5 С.93] «Если враг не сдаётся - его уничтожают». С плотью России, крестьянством, большевизм боролся, насильно его пролетаризируя. Это выразилось в «масштабнейшей со времен средневековья» крестьянской войне, длившейся с 1919 по 1933 годы и унесшей более 13 миллионов крестьян: в результате голода разных лет, подавлением крестьянских бунтов, а также насильными высылками и пытками кулаков в застенках НКВД.[7] Обезглавив Россию, заморив голодом плоть ее, большевизм пытался оторвать людей от их культурного наследия. "Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем и поэтому должны провести изъятие церковных ценностей с самой беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления". [9 С.750] Это выразилось в разрушении и закрытии тысячи храмов, в изъятии церковных

ценностей, а где-то - и осквернении кладбищ, как например, Дорогомиловского, из надгробных плит которого мостился московский метрополитен. В одной из бесед с литератором Ф. Чуевым Молотов, будучи в преклонном возрасте, цинично заметил по поводу Храма Христа Спасителя, взорванного в 1931 году: «Да ну его к чёрту... Для чего он нужен?» [14 С.140] «По плодам их узнаете их». (Мф. 7.16.) Правительство Ленина обошлось России в 3млн. человеческих жизней ежегодно.

С этим наследием, принявшем воистину форму нового христианства для нас, нам самим и предстоит бороться еще долгие годы. По поводу нового христианства академик Пивоваров заметил: «Вообще сталинизм структурно был схож с христианством: Бог-Отец — Ленин, Бог-Сын — Сталин, Бог-Дух Святой — Идеология, Церковь - Партия». [12 С.108]

Царство бога, о смерти которого заметил польский студент Януш Бардах: «Как мог вождь человечества заболеть? Неужели Сталин был обычным человеческим существом? Мужчины и женщины плакали, у всех на глазах были слёзы, но я не стал бы утверждать, насколько - от настоящего горя». [3 С.374] Тоталитарный коммунизм ушел, искушение его эпохой осталось. Как не уподобиться искушенным в борьбе этой? Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. (Мф.)

У всякой идеи есть источник легитимности. У консерватизма де Местра- это Великая Французская революция, у либерализма Локка - Писание и Славная Революция, у социализма Сен-Симона— социальное неравенство и индивидуализм Просвещения.

Многие исследователи коммунистического режима России справедливо замечают, что его источник легитимности — Великая Отечественная война. Эта война - непреодолимые ворота пещеры, через которые едва возможно ухватить режим, вытянуть его на свет. «Они хотят лишить нас Победы» - слышится при всякой попытке.

Вместе с тем Война эта - самый сложный вопрос российской истории. Масштаб Войны и масштаб катастрофы её, масштаб

усилий и Подвига народа- беспрецедентный в нашей памяти. Поэтому эта Война - краеугольный камень нашей истории, спор о которой едва ли прекратится в историографии. В её отражении показала себя идея тоталитаризма во всем своём неприглядном облики: это и дипломатическая катастрофа 1939, и военная 41-42 годов, и слабость режима, «посыпавшегося» от сокрушительных ударов июня-декабря 41, это и трагедия плена, и сталинские методы войны, и беспрецедентные сдачи в плен, и послевоенное разочарование. Всё это - почва, куда прорастут корни народного подвига. Крупный партийный деятель, Александр Яковлев, видя эшелоны советских военнопленных, ехавших из немецких концлагерей в Сибирь, писал: «Не хотелось верить, но всё очевиднее становилось, что лгали все - и те, которые держали речи, и те, которые смиренно внимали этим речам». [8 С.22] Война перед тем как стать Отечественной, до декабря-января 42 года была войной Гражданской и войной советско- нацистской. 30 сентября 1941 Сталин, понимая ситуацию, заметил в разговоре с дипломатом США: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию». [12 С.99]

До сих пор ведутся споры о числе жертв Войны и цене победы. Убито в боях и умерло в Красной Армии 12,6 млн человек, из жертвами плена оказалось 3,3 млн. Повышенная смертность в советских концлагерях 0,9 млн, расстреляно 0,1 млн. Потери остального населения - 10 млн.

В марте 1946 года Сталину было доставлено письмо некоего Н.М. Хмелькова из села Малый Узень Саратовской области, содержащей главный, пожалуй, вопросы о Войне: «Победителей не судят. Но народ-победитель обязан разобраться в том, была ли достигнута победа с наименьшей затратой сил и средств и с наименьшими жертвами и если нет, то почему: времени на подготовку к войне было отпущено мало, маленькие ли винтики сложной машины работали плоховато, подкачали ли более сложные части машины ?» [13 С.359] Письмо по понятным причинам осталось без ответа вождя. Множество ответов дают

историки, философы, демографы сегодня - но нет пока ответа на Войну общего, как это сделано в Германии. А он будет, я убежден. А пока «незыблемая» Война, морально-нравственный аспект обсуждения которой куда «выше», «важнее» фактического - стоит стеной между нами и объективной оценкой режима, существовавшего в России 72 года.

Часть нашего эссе будет посвящена цифрам, [17-26] отражающим общественное настроение и мнение в отношении тех или иных фигур и моментов истории СССР. Эти данные - отражают страшную ситуацию в нашей стране и заставляют о многом задуматься: возможен ли выход гражданского самосознания из «советского» лабиринта. Так, большинство граждан России считает, что Октябрьская революция 1917 года имела положительные последствия (39% респондентов), тогда как исторический максимум был отмечен (47%) в 2009 году.

От революции - к ее архитектору, Ленину. Имя Владимира Ленина прочно ассоциируется у россиян со словом «вождь». Причем 28% респондентов Ленина просто назвали «вождём», «вождём революции» 24%, «вождём пролетариата» 22%.

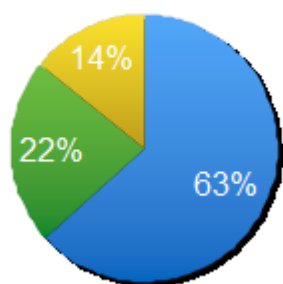
Треть россиян в целом согласны с Лениным (35%) и 65% опрошенных убеждено, что он исходил сугубо из народных интересов. Подобные цифры и в целом в отношении россиян к Ленину - 63% симпатизируют этому человеку.

По мнению большинства участников опроса (28%) «вождь» провел социальные реформы и изменения: это и бесплатная медицина и образование, искоренение безработицы, ликвидация неграмотности, введение 8-часового рабочего дня, «заботу о детях», уравнивание мужчин и женщин в правах, обеспечение хорошей жизнью людей, обеспечение доступности отдыха, жилья.

Очевидно, что образ Ленина в понимании подавляющего большинства россиян принял форму мифологического исторического лица, обеспечившего Советской России социальное процветание, чему фактологических, задокументированных подтверждений нет, кроме введения 8-ми часового дня, да и тот был

увеличен вновь при Сталине. Зато такие факты, как гражданская война, спланированный голод 1921 - 1922 годов, рассказывание, борьба против религии, репрессивные меры ВЧК - ОГПУ остаются незамеченными населением. Это доказывает ностальгию большинства по советскому прошлому.

«Жестокий тиран»

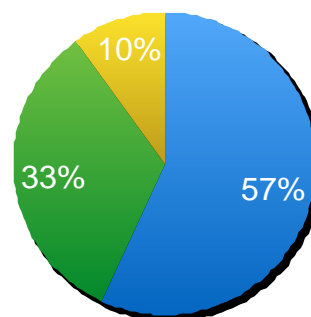
■ Согласен ■ Не согласен ■ З/О

цифра неумолимо растет. Вместе с этим парадоксальным образом образ Сталина совмещает в себе в понимании респондентов и образ «жестокоего тирана», и образ «мудрого руководителя». Если взять данные Левады- центр за 2006 год в оценке роли Сталина в истории России - данные не будут сильно отличны от тех, которые мы привели выше: 47% - положительно, 29% отрицательно,

24% - затрудняюсь ответить. Поразительно, но 38% респондентов убеждены, что Сталина «очерняет» современное общество, 29% согласны с «объективным» отношением к партийному лидеру СССР. Безусловно, убеждены в «очернении» те, кто оценил эту фигуру положительно - 57% , объективности оценки верят всего 23%. Удивительны и следующие результаты опросов общественного мнения граждан относительно вопроса репрессий. Так, большинство, 59%, респондентов считают, что в сталинские

Роль Сталина в истории с каждым годом оценивается всё больше и больше как положительная. На вопрос «Как вы считаете, какую роль Сталин сыграл в жизни нашей страны» 57% респондентов ответили «положительно», и 30% отрицательно. В 2011 году цифра положительной оценки была 45%, в 2013 49% , в 2014 - 52%. Мы видим, как с годами эта

«Мудрый правитель»

■ Согласен ■ Не согласен ■ З/О

лагеря попадали преимущественно невинные люди (против абсолютного меньшинства - 12%). «Преимущество» первого сохраняется даже среди тех, кто убеждены, что Сталина «очерняют» и сами симпатизируют диктатору: за «невинных» - 50% , за тех, кто «заслужил» - 19%. Подводя общий итог приведенным цифрам можно сделать следующее заключение: большинство респондентов симпатизирует диктатору, сознательно отдавая себе отчёт, что большинство жертв сталинского террора - люди невинные. Вместе с тем, большинство убеждено, что образ Сталина «очернен». Конечно, не вызывает сомнений оценка Сталина жителями Украины 38% - отрицательно, 17% - положительно. Великий Голод 1933 года, унесший 4 миллиона человек на Украине, прочно остался в памяти украинцев. Я сказал выше - борьба с искушением проходит по самому живому, болезненному россиян - памяти о Победе. По оценкам Фонда «Общественное мнение» большинство россиян не рассталось с «мифом» о том, что именно Сталин «выиграл войну». По мнению 58% опрошенных, он внёс значительный вклад в победу. Преимущественно - это люди старого поколения, абсолютное большинство которых - члены партии КПРФ. 40% считают роль Сталина в Войне - незначительной. Можно было бы утверждать, что поддержку и Ленину, и Октябрю, и Сталину обеспечивает люди старого поколения, но невозможно объяснить таким образом рост симпатий за последние годы к фигурам Сталина и Ленина. Неизжитый Россией латентный тоталитаризм, полный, безусловно , мифологических догм и, как правило, ничего не имеющий с реальными фактами, - современная болезнь нашего государства.

Нынешняя оценка россиянами своего прошлого напоминает ситуацию времен Нюрнбергского процесса, [4 С.20-21] когда государственному обвинителю от США Роберту Джексону приходили сотни писем людей практически всех поколений и социальных групп: от крупных чиновников до простых рабочих, а также жертв геноцида СС. Конечно, жертвы призывали Джексона «покончить с коричневой чумой» и были непримиримы к

нацистскому режиму. «Никакой пощады убийцам, они не могут находиться среди простых людей». «Мне представляется, вы слишком мягко обращаетесь с этими бандитами». «Прошу отказать преступникам в юридической помощи». «У меня одно желание, стать палачом, но только не при гильотине или виселице! Нет, только с топором в руках!». Но рядовые немцы, простые граждане Германии не хотели признавать свою вину. «О совинности немецкого народа не может быть и речи», - говорил обвинителю бывший член НСДАП, доказывающий, что был под давлением партии. «С нацистами у меня нет ничего общего, - другое письмо, - я собирал исключительно партийные взносы». «Я вступил в партию исключительно из идеалистических убеждений». «Мы не знали о насилии по отношению к евреям и о том, что творилось в лагерях». Многие призывали Джексона «перестать клеветать на немцев», и далее - «США, объединившись с Англией совершали самые ужасные преступления в мировой истории». Это «русские и еврейская банда, которая несет ответственность за несчастья всего мира». И наконец зловеще, но так знакомо нашему обществу: «Уничтожение евреев было внутренним делом Германии». «При Гитлере истреблялись только неисправимые элементы». «Возвратите нам отобранные колонии или предоставьте взамен равноценные территории. Позвольте нам вернуть себе место под солнцем!» Удивительно, как ярко и точно отразили эти письма состояние той Германии. Кульминацией стала надпись на синагоге, открытой Аденауэром 24 декабря 1959 года, где в ночь была оставлена знаменитая надпись под свастикой: «Немцы говорят евреям: вон». После Нюрнбергского процесса прошло 14 лет. Это ли не живое доказательство сущности Нюрнберга, ставшим, как характеризовал его Карл Ясперс, «показательным» и «одноразовым». Он не исполнил своей главной задачи, той, на которую возлагал весь мир и победителей, и проигравших: не спас немецкие синагоги он вандализма 1959 года, не спас сознание немцев, однажды искупленных нацизмом. «Люди не хотят слышать о вине, о прошлом, их не заботит мировая история».

В своём очерке о природе советской власти Ю. Пивоваров настаивает на определении XX съезда КПСС как нашего русского Нюрнберга. Возможно, он прав, говоря о беспрецедентности, «самоубийственности» этого события. Но не говорит ли это и о том, что с точки зрения внутреннего переустройства как партии, так общества - русский Нюрнберг показателен, не более? Не цифры ли выше говорят об этой неизжитости сталинизма, искусственности зла? «Развенчание Сталина вызывало не столько гнев против покойного тирана, сколько массовый протест против развенчавших его властей. В Грузии 4-9 марта разразилось народное восстание. Какой-то человек влез с бутылкой вина на постамент Сталину, разбил бутылку и прокричал: «Пусть также погибнут враги Сталина, как эта бутылка».[10 С.320] Показательность русского Нюрнберга была в том, что судьёй выступил режим, еще недавно потворствующий в преступлениях Сталина, то есть сам виновный в этих злодеяниях. Разве не поставил А.Микоян, читавший 14 февраля 1956 года доклад о культе личности, 8 подписей под «Сталинскими расстрелянными списками» будучи членом Политбюро ЦК? «Хрущев был последователен в одном: он стремился возложить вину за всё плохое в прошлом на Сталина и Берия и тем самым реабилитировать Коммунистическую партию».[10 С.319]

В своей книге «Вопрос о виновности» Карл Ясперс, [16] разбирая во всей полноте проблему и аспекты вины немецкого народа, говорит, помимо политического и уголовного, еще о моральном и метафизическом аспекте. «Из морального образа жизни большинства отдельных людей, широких кругов народа в повседневном поведении складывается всегда определенное политическое поведение»... Не свидетельствует ли прямо наше возвращение к сталинизму к соответствующему моральному облику общества, который может привести к необратимым последствиям?

Спор историков о морально-исторической правомерности сравнении большевистской и нацистской диктатур произошел в Москве 15 мая 2001 года с характерным названием: «Преодоление

прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков». Удивительно, но даже среди противников переноса германского опыта на Россию практически не нашлось тех, кто высказался бы о неправомерности такого сравнения. Соответственно, если такое сравнение правомерно, правомерными ли будут меры для борьбы с искушением тоталитарного прошлого, которому сегодня подвержена половина населения? Безусловно, они не должны повторять, копировать меры, примененные в Германии, но по внутреннему, морально-нравственному аспекту, они должны соответствовать произведенным в Германии мерам.

1) Высказанное в 60х годах выражение Александра и Маргарет Мечерлих «неспособность печалиться» - характеризует наше состояние наиболее исчерпывающим образом на фоне соответствующих внутренних изменений, отразившихся в социологических исследованиях. Именно эта «неспособность» - прямое препятствие перед будущим поколением граждан России в их битве за своё прошлое, преодоленное и осмысленное.

2) Вместе с тем нужно отметить и интерес молодых к информации, фактам о страшном прошлом: именно они составляют, увы, наименьший, но крепкий процент тех, кто высказывает негативную оценку советских вождей.

3) Это ставит определенную задачу историков и философов современности, ведущих борьбу за будущее поколение - когда как не сейчас эта борьба вышла за рамки отвлеченного спора - не сойти с позиции, что, увы, происходит, например, в некоторых московских школах. «В ряде московских школ отказались от преподавания XX века». В результате молодое поколение учится прошлому по рассказам семьи, друзей или просто круга общения. «Вот вы говорите, а мой дедушка мне рассказывал». Трудно сказать, плохо это или хорошо, но можно с уверенностью заявить, что объективности в этом - куда менее, чем в сравнении с рассказом даже самого среднего, посредственного преподавателя.

4) В борьбе за прошлое одной из самых ключевых задач является отказаться от «духа абстракции». «Диктовалось исторической необходимостью», «это обеспечило социальную стабильность», «принял с сохой, оставил с бомбой» - подобные фигуры речи, лишённые фактов - орудие домысла. Наше орудие - факт, сухой и часто выраженный только лишь одной цифрой.

5) Философское осмысление прошлого, самой идеи коммунизма, ставшей логичным, но ложным ответом на жизненные запросы, вызванные «кризисом прежних идентичностей».

6) И наконец - избежание огульного, беспочвенного осмеяния коммунистического режима, следствием чего может стать укрепление в вере в подобную идею.

Карл Ясперс, упомянутый нами выше, говоря о морально-метафизическом аспекте вины немцев говорил о двух формах последствия виновности: а) признание права за «депортированными, обобранными, замученными, ограбленными» б) внутреннее очищение. «Очищение - единственный путь человека как человека. <> Это условие политической свободы. Политическая свобода начинается с осознания отдельного человека, чувствующего себя ответственным за политику своего общества». Очищение и за «жизнь в маске», и за «живую совесть» - совесть исполняемого приказа, ибо «нельзя просто сослаться на то, что «приказ есть приказ», поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу», и за «половинчатость» взглядов, «приспособленчество», за самообман, за роль «попутчика». Всё это - неотъемлемая часть жизни тоталитарного государства. Мало «русского Нюрнберга» над тоталитарной властью, необходим русский Нюрнберг над совестью.

«Выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойдешь в землю, которую покажу тебе». (Деян.7.2)

Библиография

1. Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. - М.: Астрель, 2012. - 480 с.
2. Адорно Теодор. Что значит проработка прошлого.- URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
3. Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия / Й. Баберовски. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. — (История сталинизма).
4. Борозняк А. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. Борозняк. - М.: Политическая Энциклопедия, 2014. - 351 с.
5. Варшавский В. Незамеченное поколение / В. Варшавский. - М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицина, 2010. - 521 с.
6. Герцен А. Сочинения в 2 томах. Том 2 / А. Герцен. - М.: Мысль, 1986. — 654 с.
7. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 - 1933 / А. Грациози. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. — 136 с. — (История сталинизма).
8. Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В. Зубок. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 683 с. — (История сталинизма)
9. История России. XX век: 1894– 1939 / [под ред. А.Б. Зубова].– М.: Астрель: АСТ, 2010.– 1023 с.
10. История России. XX век: 1939- 2007 / [под ред. А.Б. Зубова].– М.: Астрель: АСТ, 2010.– 847 с.
11. Мережковский Д.С. Атлантида - Европа: Тайна Запада / Д.С. Мережковский. - М.: Русская книга, 1992. - 416 с.
12. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое / Пивоваров Ю.С. - М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. - 336 с.
13. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя / О.В. Хлевнюк. - М.: АСТ: Corpus, 2015. — 464 с.
14. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым / Ф. Чуев. - М.: ТЕРРА, 1991. – 620 с.
15. Чуев Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола / Ф. Чуев. - М.: Российское товарищество "Отечество", 1992. — 208 с.

16. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Ясперс К. - М.: прогресс, 1999. — 148 с.
17. 7 ноября и отношение к революции.-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/rev_war/d1..
18. Воспоминания и напоминания о Ленине.-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/rev_war/of..
19. Ленин жил, Ленин жив, Ленин..?-
URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11566>
20. Массовые репрессии в СССР.- URL: <http://fom.ru/Proshloe/11786>
21. XX съезд КПСС: разоблачение культа личности.-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/sssr/dd060..
22. Победа: наша или Сталина?-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/rev_war/gu..
23. Роль И. Сталина в войне.-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/rev_war/of..
24. Россияне все лучше относятся к сталину, но жить при нем не хотели бы.-
URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/rossiyane-vse-luchshe..>
25. Фигура Сталина в общественном мнении россии.-
URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshh..>
26. Что сделал Ленин?-
URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/rev_war/of..

Болгарский политический язык 1950-х – 1980-х годов и конструирование образов Македонии

Македонские образы играли особую роль в развитии болгарского политического языка в социалистический период. Македонские нарративы присутствовали в значительной части исторических статей болгарских историков, которые были опубликованы в журнале «Исторически преглед» с конца 1950-х до середины 1980-х годов. Болгарские историки, активно используя македонские образы, формировали концепт македонской идентичности, вообразенной в болгароцентричной системе координат. Болгарские историки, с одной стороны, полагали, что Македония является частью Болгарии, а македонская история – неотъемлемым элементом болгарского исторического процесса. С другой стороны, интерес болгарских историков в македонской проблематике стимулировал болгаро-македонскую дискуссию.

Ключевые слова: политический язык, Болгария, авторитаризм, македонские образы? «Исторически преглед»

Macedonian images played a special role in development of Bulgarian political language during socialist period. Macedonian narratives were present in the great part of works of Bulgarian historians in their articles that were published in "Istoricheski pregled" journal from the late 1950s until the middle of the 1980s. Bulgarian historians actively used Macedonian images and formed concept of Macedonian identity, imagined in Bulgarian centered system of coordinates. Bulgarian historians, on the one hand, believed that Macedonia is part of Bulgaria and they imagined Macedonian history as integral part of Bulgarian historical process. On the other hand, the interest of Bulgarian historians in Macedonian problems stimulated Bulgarian-Macedonian discussion.

Keywords: political language, Bulgaria, authoritarianism, Macedonian images, "Istoricheski pregled"

Постановка проблемы. Народная Республика Болгария развивалась на протяжении своей истории как недемократическое государство, а местные политические элиты стремились создать новую форму болгарской идентичности. Эта идентичность была

невозможная без развития лояльности со стороны населения в отношении правящих элит и доминирующей политической идеологии. Особую роль в формировании и развитии этой идентичности играл политический язык, который активно использовался для идеологизации общественных наук и индоктринизации населения.

Историография. Проблемы болгарского политического языка в российской историографии относятся к числу практически неизученных тем, хотя некоторые аспекты политического языка в авторитарных обществах рассматривались Автором в его более ранних работах [15; 16], в которых показаны основные стратегии политизации языка, формирования новой политической маркированной лексики, использования идеологически выверенных и политизированных языков (преимущественно немецкого) в формировании и развитии авторитарных политических режимов.

60

Целью данной статьи является изучение проблем развития и функционирования македонских образов в болгарском политическом языке периода НРБ.

Изложение основного материала статьи. Националистический пласт в политическом языке периода НРБ в полной мере проявлялся в тех случаях, когда речь заходила о Македонии, с утратой которой болгарские авторы не могли смириться и согласиться. Македония в болгарском историческом воображении периода НРБ фигурировала как коллективное место памяти, как историческая и географическая область Болгарии, как «географската област Македония» [11], население которой было «българско» [34]. В связи с этим болгарскими авторами подчеркивалась, что Пиринская Македония, входившая в НРБ, «не

е отделна географска област» [3], что было формой проявления болгарских претензий на объединение в своих границах всей Македонии в целом. Поэтому болгарские историки стремились в рамках политического языка НРБ доказать, что во всех исторических болгарских регионах доминировала «една етническа общност» [2], которая являлась болгарской. Параллельно в политическом языке НРБ оказались актуализированными и нарративы, призваны описать и доказать не только «регионално разнообразие», но и «етническо единство» болгарской культурной и языковой традиции. Поэтому болгарские интеллектуалы подчеркивали, что для всех территорий, населенных болгарами (а этот термин воспринимался ими максимально широко), был характерен «един стил и характер на традиционна култура на българското население в нейното местно разнообразие» [32]. Подобные и сходные теоретические основания давали болгарским национально ориентированным авторам в НРБ писать о том, что Македония является одним из болгарских исторических регионов.

61

Особой мифологизации в рамках македонского измерения в политическом языке НРБ был подвергнут Солун, который, по мнению болгарских историков, «играл важна роля в културната история на българския народ» [1], а, анализируя проблемы македонской истории, болгарские историки подчеркивали то, что именно «в Македония се родили бележите борци за българската свобода и независимост, чиито имена ще останат завинаги съхранени в скрижалите на родната ни история и в народната памет» [10; 11] и актуализировали «българското национално единство» [14] относительно македонской территории и включенность местного населения в болгарское «националноосвободителното движение». Поэтому болгарские

историки периодически указывали именно на «българския характер на националноосвободителното движение в Македония» [25], «антиосманско националноосвободително движения на българския народ в Македония... срещу османските насилници, които задушавали неговото самостоятелно политическо развитие» [22] и на «българската принадлежност на славянското население в Македония» [34, С. 24]. Кроме этого в болгарском политическом языке Македония фигурировала как территория, на которой велась «борбата за българска църква» [19]. Подобные нарративы в болгарском политическом языке были призваны содействовать вытеснению из общественного мнения образов Македонии альтернативных болгарскому восприятию. Именно поэтому болгарские историки полемизировали со своими коллегами из СФРЮ, обвиняя их в ревизионизме и буржуазном национализме, хотя более ранние этапы в истории отношений между БКП и КПЮ [21] столь негативных эмоций у болгарских историков не вызывали.

Кроме этого, болгарские историки полагали, что существование македонской нации и македонской государственности в СФРЮ носит временный характер, так как стало следствием сознательной антиболгарской политики, которая по их мнению, была инициирована Белградом в рамках политики определяемой как «великосърбската пропаганда» [34, С. 39 – 40]. Вину и ответственность за то, что Болгария утратила контроль над Македонией возлагалась в политическом языке НРБ на западные страны, в особенности – на Францию и Великобританию, которые вообразались как «главните творци на империалистическите мирни договори» [4; 5]. В подобной ситуации в политическом болгарском языке социалистической эпохе особую роль играли

нарративы, призванные «населить» Македонию болгарскими историческими и политическими деятелями. В рамках подобных стратегий обращения с прошлым Македонии, нацеленным на ее болгаризацию, Васил Главинов воображался и позиционировался как «пионер на социалистическото движение в Македония» [18]. Кроме этого, политическая история Македонии нередко конструировалась как один из элементов политической истории Болгарии. Поэтому, «националноосвободителните борби в Македония» [24] воспринимались как часть болгарского национального движения, а в вину грекам и сербам, которые поддерживали «великосърбски режим» [20], ставилась «политика на насилствена денационализация на македонските българи» [5].

Центральной фигурой в болгаро-македонской полемике был Крсто Мисирков [6], который в Македонии воспринимался как македонский национальный и политический деятель. С подобной точкой зрения болгарские историки были категорически не согласны и поэтому практически никогда не упускали повода подвергнуть критике концепции македонских исследователей. В политическом языке исторических штудий периода НРБ К. Мисирков фигурировал как именно болгарский политик, а болгарские историки неоднократно, полемизируя со своими македонскими оппонентами, цитировали именно «болгарские» фрагменты из публикаций К. Мисиркова. Отрицая достижения македонских историков, болгарские авторы настаивали на том, что «Мисирков в гълбините на душата си е бил и е останал българин». Кроме этого болгарские авторы утверждали, что «сърбски шовинисти» искусственно создали понятия «македонска нация» и «македонски литературен език», тем самым, разрушив, по их

мнению, подлинную болгарскую составляющую в деятельности К. Мисиркова.

Полемизируя с македонскими историками, отрицая и не признавая существование независимого македонского языка и, как следствие, нации, болгарские историки активно пытались болгаризировать историческое прошлое Македонии, интегрируя ее историю в болгарский исторический, культурный и политический контекст. Исходным мотивом болгарских историков в НРБ в их полемике с македонскими и югославскими коллегами была вера в то, что зарубежные исследования о Македонии представляют собой преимущественно «спекуляции и фальсификации» [13]. Поэтому в болгарском политическом языке македонская историография оценивалась исключительно негативно и, сознательно и намеренно демонизируясь, определялась как «противобългарска дейност» [35]. В противовес подобным публикациям болгарские историки подчеркивали, что жители Македонии в прошлом имели «български национален дух», сохраняя «българската национална самобитност, култура, език, нрави и обичаи» [9]. В рамках болгарского политического языка и исторического воображения в НРБ Македония была не более чем одной из географических областей Болгарии, ее этнографическим регионом или тем краем, где начинали деятельность болгарские политики. В подобной ситуации национальное движение в Македонии в рамках болгарского политического языка периода НРБ могло восприниматься как исключительно болгарское и как «продължение на българската националноосвободителна борба» [33] или «революционна борба на българското население» [28].

Болгарский политический язык в НРБ имел и прикладное значение. Болгарские историки практически всегда были готовы

выполнить свою идеологическую миссию. Поэтому «борба против буржоазната идеология и против извращенията и фалшификациите на българската история» [33] играла не последнюю роль в функционировании политического языка и воображения в Болгарии периода социализма. Позиции македонских историков периодически оказывались в центре внимания работы съездов Коммунистической партии. Реагируя на партийные съезды, болгарские историки указывали на то, что в Югославии «излазат книги и статии, в които се фалшифицира история на нашия народ». В вину македонским историкам ставилось то, что те, по мнению болгарских авторов, фальсифицировали и искажали историю Болгарии, отрицая «прогресивен характер на Руско-турската война и Санстефанския мирен договор». Македонских авторов обвиняли в том, что их работы содержат «позорни клевети относно интернационалистичната дейност на Димитър Благоев» [29].

Формально стремясь соблюсти некоторые нормы корректности, так как речь шла об историографии формально дружественной, также социалистической, страны, болгарские авторы, тем не менее, критически относились к работам македонских историков.

В НРБ исследования македонских историков оценивались крайне негативно, воспринимаясь как «фальсификаторские упражнения» [17, С. 41]. В подобной ситуации болгарские историки в НРБ периодически были вынуждены выполнять некоторые политические и идеологически выверенные повинности, то есть упражняться в почти ритуальной критике как буржуазной историографии, так и ревизионизма и «националистических» искажений и фальсификаций истории. Поэтому, сам идеологический характер болгарского политического

языка в НРБ содействовал тому, что болгарские историки выступали «против влияния на буржоазната идеология и ревизионизма в историческата наука» [27]. В вину македонским историкам их болгарские коллеги, предпочитая назвать их «скопьескими», ставили то, что те стали «знамето на ревизионизма» [17, С. 16], а также слабую и незначительную методологическую последовательность и теоретическую подготовку, обвиняли в национализме, в политической незрелости, неспособности понять и творчески использовать марксистско-ленинские методы. Методологические позиции македонских историков в НРБ не принимались, не признавались и отрицались, определяясь как «неясни декларации» и «неопределени фрази» [17, С. 15].

«Недостойна роля» и «неблагодарна задача» [17, С. 18 – 19], по мнению болгарских историков, македонской историографии не давали им покоя и стимулировали их периодически обращаться к македонской проблематике. Позиция СФРЮ по македонскому вопросу, институционализация в ее рамках македонской государственности, признание существования македонской нации и македонского языка в среде болгарских историков в НРБ вызывало исключительно острую и негативную реакцию. Поэтому, югославское и, тем более македонское, восприятие Болгарии в НРБ воспринималось как неправильное и антиболгарское. В подобной ситуации болгарские историки не только предъявляли немало идеологических претензий югославским коллегам, обвиняя их в том, что они обслуживали «интересите на тъмните сили на империалистическата реакция», но и не уставали повторять, что «югославският печат и радио пишат и говорят против НР България и българското работническо революционно движение», что фактически актуализировало два уровня болгаро-македонских (и

болгаро-югославских в более широкой перспективе) противоречий – национальный и идеолого-политический. Не удивительно, что одно из ведущих македонских изданий «Нова Македонија» в Софии оценивалось исключительно негативно, а его публикации воспринимались как «клеветы по адрес на НР България, българския народ и Българската комунистическа партия». Полемизируя с македонскими историками, их болгарские коллеги старались избегать использования оригинальных названий (на македонском языке) критикуемых ими публикаций, стараясь также не упоминать и самих македонцев, предпочитая использовать другие термины «македонски българи» и «българско население в Македония» [23].

Подобным концепциям болгарские историки стремились противопоставлять свои тексты, которые, по их мнению, были основаны на единственно правильном методе научного познания, определяемом как «марксистско-ленински исторически метод» [30]. Поэтому, исследования и труды македонских историков оценивались негативно как «извращаване и фалшифициране на историческата действителност» [17, С. 16], а в вину македонским историкам ставилось то, что они отрицательно и неприязненно относятся «към всичко българско», не признавали «български характер» [17, С. 16, 19, 23] на территории Македонии средневекового периода, не приводя при этом никаких (по мнению болгарских авторов) доказательств в пользу своих предположений. Болгарские историки неустанно критиковали и обвиняли своих македонских коллег в отсутствии объективности и в пристрастности, антиболгарском национализме, подчеркивая, что внешняя политика НРБ, наоборот, «проникната от идеите на пролетарския интернационализъм» [31].

В македонском измерении политического языка НРБ, связанного с македонской проблематикой, особую роль играли нарративы, связанные с явлением «културна автономия» в болгарской части Македонии на протяжении 1946 – 1948 годов. Если на протяжении непродолжительного времени во второй половине 1940-х годов болгарские политические и интеллектуальные круги стремились в той или иной степени участвовать в урегулировании македонской проблемы, но в болгароцентричной версии, то последующая институционализация как македонской идентичности, так и государственности в рамках СФРЮ привела к обострению болгаро-югославских отношений. Поэтому, македонские нарративы в болгарском политическом языке периода НРБ были сферой почти нескрываемого доминирования болгарского национализма. Мнения и интерпретации, которые не вписывались в принятый в рамках болгарского политического языка канон, оценивались болгарскими историками как «протвобългарски... извращения и фалшификации», а их авторы определялись как «недобросъвестни». Полемизируя с македонскими и югославскими историками, болгарские интеллектуалы настаивали на том, что история Македонии на протяжении веков была связана с «многовековната история на българска етническа общност». Болгарские историки утверждали, что жители Македонии в прошлом представляли собой «част от българската народност и нация» и «част от български етнос». В конце 1970-х годов Г. Димитиров и вовсе констатировал, что «географско понятие “македонец” било идентично с етнонима “българин”» [12], а в начале 1980-х годов болгарские историки возлагали вину за отторжение Македонии на Сербию, подчеркивая, что сербские

политики отрицали «съществуването на българи в Македония» [26]. Поэтому болгарские историки считали своим идеологическим и национальным долгом выступать против «сръбските попълзновения» [7], которые, по их мнению, ставили под сомнение болгарский характер Македонии.

Болгарские историки в конце 1950-х годов, задолго до появления работ о национализме Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, стремились доказать, что их македонские оппоненты фактически придумали и вообразили македонскую нацию. В вину македонским историкам их болгарские коллеги, которые не признавали существования ни «македонской народности» в Средние Века, ни «македонской нации» в XX веке, ставили то, что они «вообразили, а там, где было возможно, с помощью голословного отрицания исторических источников “открыли” новый народ в средневековье» [17, С. 25]. Более того, болгарские историки отрицали то, что деятели македонского движения были македонцами [17, С. 34] – в рамках болгарского исторического воображения они фигурировали как болгары, а попытки македонских историков воспринимать их в качестве македонцев воспринимались как националистические фальсификации.

В конце 1970-х годов болгаро-македонская историографическая полемика обострилась. В подобной ситуации острее болгарского политического языка оказалось направленным против одного из ведущих македонских историков Михайло Апостолски. Болгарские историки не скупались на обвинения против македонского историка, что в определенной степени содействовало актуализации македонского пласта в болгарском политическом языке. Михайло Апостолски обвинялся в том, что он не имеет «необходимата научната подготовка», а его публикации

имели «не научен, а политически характер и предназначение». Кроме этого в болгарском политическом языке конструировался негативный образ македонского историка как «обикновен дилетант в областта на историческата наука, който служи не на историческата истина, а на политически цели». Болгарские историки обвиняли македонскую историографию в том, что она преследует только «политически цели», являясь антиболгарской. В этом контексте политический язык НРБ был сфокусирован на критике македонского проекта, который, по мнению болгарских историков, «служит на политически сметки и цели да оправдае измислената теза за съществуване на някаква македонска нация в миналото чрез отрицание на всичко българско в Македония, чрез фалшифициране и грубо погазване на историческата истина за живота и борбите на македонските българи през вековете». Исходя из подобного методологического, точнее – эмоционального посыла, болгарские историки обвиняли М. Апостолски в том, что его тексты имеют «политически замысел», ставя ему в вину то, что он отрицает то, что «историята на Македония е част от историята на българския народ» [8]. Подобные нарративы в политическом языке НРБ имели не только идеологическое, но прикладное значение, что актуализировало инструменталистские функции языка как политического явления.

В целом, комментируя политические пристрастия македонских историков, Димитр Косев писал, что в текстах историков из Македонии содержится недопустимая для исторических исследований «страсть, но не марксистско-ленинская, не пролетарско-интернационалистическая, а буржуазнонационалистическая» [17, С. 15]. В этом отношении заметна не только дискуссия между болгарскими и македонскими

историками как представителями национальных историографий, но и полемика перед неформальным кураторством со стороны СССР за то, чтобы использовать статус наиболее верных и последовательных проводников советской политики на Балканах. Утратив во второй половине 1940-х годов политический контроль над Вардарской Македонией, болгарские историки начали поиски психологической компенсации в критике македонской историографии, обвиняя ее в недостаточной классовой зрелости и последовательности.

Выводы. Таким образом, македонские образы в политическом языке НРБ играли особую роль, обслуживая болгарские политические элиты, которые имели крайне напряженные отношения с элитами СФРЮ, в особенности – с македонскими, которые строили и развивали альтернативную версию македонской идентичности, основанную на отрицании ее болгарской природы и актуализации национального независимого македонского характера. Особое раздражение со стороны болгарских элит вызывало то, что македонская идентичность в СФРЮ имела альтернативные языковые основания. Поэтому, актуализация македонских образов в контексте формирования коллективных представлений о политических и этнических Других, была просто неизбежна в болгарском политическом языке периода НРБ.

Библиографическият списък

1. Божинов В. Слунската гимназия «Кирил и Методий» в общественно-политическият живот на българското население (1880 – 1913) / В. Божинов // Исторически преглед. – 1971. – № 4. – С. 87 – 95.
2. Боянов В. Васил Левски и Македония / В. Боянов // Исторически преглед. – 1984. – № 5. – С. 67 – 77.
3. Ванчев Й. Движението за новобългарска просвета в Пииринския край през XIX в. до 1878 / Й. Ванчев // Исторически преглед. – 1978. – № 1. – С. 23 – 44.
4. Василев В. Великобритания и македонският въпрос (1924 – 1929 г.) / В. Василев // Исторически преглед. – 1984. – № 1. – С. 20 – 42.
5. Василев В. Майският манифест на ЦК на ВМРО от 1924 г. – обстановка, преговори и последици / В. Василев // Исторически преглед. – 1980. – № 5. – С. 39 – 63.
6. Велев Н. Из политико-обществената дейност на Кръстьо Петков Мисирков / Н. Велев // Исторически преглед. – 1968. – № 5. – С. 70 – 86.
7. Генов Г. Българското военно губернаторство в Македония (ноември 1912 – юни 1913) / Г. Генов // Исторически преглед. – 1985. – № 7. – С. 38 – 46.
8. Горненски Н., Попов Р., Рачев Ст., Димитров Д. Историческите факти против Михайло Апостолски / Н. Горненски, Р. Попов, Ст. Рачев, Д. Димитров // 72 Исторически преглед. – 1979. – № 6. – С. 132 – 144.
9. Гоцев Д. Тайна младежна организация във Вардарска Македония (1922 – 1927) / Д. Гоцев // Исторически преглед. – 1983. – № 2. – С. 49 – 63.
10. Дамянов С. Проблеми на българската народност и нация на Берлинския конгрес (1878 г.) в сборника «Македония». – С. 96 – 109.
11. Дамянов С. Проблеми на българската народност и нация на Берлинския конгрес (1878 г.) в сборника «Македония» / С. Дамянов // Исторически преглед. – 1980. – № 2. – С. 96 – 109.
12. Димитров Г. За така наречена «културна автономия» в Благоевградски окръг (1946 – 1948) / Г. Димитров // Исторически преглед. – 1979. – № 6. – С. 70 – 81.
13. Добринов Д. Югославската историография за Георги Димитров, македонският въпрос и българо-югославските отношения (1944 – 1948 г.) / Д. Добринов // Исторически преглед. – 1983. – № 5. – С. 105 – 116.
14. Дойнов Д. Комитетите «Единство» и Кресненско-Разложкото въстание (1878 – 1879 г.) / Д. Дойнов // Исторически преглед. – 1978. – № 5. – С. 21 – 40.

15. Кирчанов М.В. «Die Kommunisten – entschiedenste kraft in den kämpfen unserer zeit»: идеологические доминанты в географии «политического» немецкого языка в ГДР середины 1980-х годов / М.В. Кирчанов // Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. – Воронеж, 2008. – Вып. 6. – С. 115 – 126.
16. Кирчанов М.В. Wir sind die glücklichsten Kinder und leben im herrlichsten Land: идеологические образы и внутренний мир советского учебника немецкого языка во второй половине 1960-х годов / М.В. Кирчанов // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований / отв. ред. С.В. Кретишин. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С. 54 – 63.
17. Косев Д. Ревизионистически фалшификации на българската история у скопските историци / Д. Косев // Исторически преглед. – 1959. – № 1. – С. 18 – 19.
18. Мадолев Г. Васил Главинев – пионер на социалистическото движение в Македония и Одринско / Г. Мадолев // Исторически преглед. – 1968. – № 2. – С. 66 – 81.
19. Маркова З. Църковнонационално движение в Источна Македония през 70-те години на XIX в. / З. Маркова // Исторически преглед. – 1985. – № 3. – С. 16 – 29.
20. Митев В. Англия, македонският въпрос и българио-югославските отношения през 1924 г. / В. Митев // Исторически преглед. – 1984. – № 3. – С. 17 – 34.
21. Митрович Б. Интернационалните връзки между БКП и ЮКП през 1919 – 1921 г. / Б. Митрович // Исторически преглед. – 1974. – № 2. – С. 62 – 68.
22. Николов Й. Общоисторически черти на Първото търновско въстание през 1598 г. / Й. Николов // Исторически преглед. – 1985. – № 4. – С. 20 – 36.
23. Панайотов Л., Мичев Д. «Критика» от позициите на буржоазния национализъм / Л. Панайотов, Д. Мичев // Исторически преглед. – 1962. – № 2. – С. 71 – 78.
24. Пандев К. Из живота и дейността на Дамян Груев / К. Пандев // Исторически преглед. – 1977. – № 2. – С. 63 – 70.
25. Пандев К. Политически искания и програма на българското националноосвободително движение в Македония и Одринско (1878 – 1912) / К. Пандев // Исторически преглед. – 1980. – № 6. – С. 21 – 48.
26. Пандев К., Палешутски К. Българското националноосвободително движение след Берлинския конгрес (1878 – 1941) / К. Пандев, К. Палешутски // Исторически преглед. – 1981. – № 3 – 4. – С. 95 – 113.

27. Против влиянието на буржоазната идеология и ревизионизма в историческата наука // Исторически преглед. – 1958. – № 3. – С. 3 – 10.
28. Самарджиев Б. Англия и някои проблеми на реформеното дело в Македония през 1903 – 1908 г. / Б. Самарджиев // Исторически преглед. – 1984. – № 6. – С. 24 – 43.
29. Седмият Конгрес на Българската комунистическа партия и задачите на нашата историческа наука // Исторически преглед. – 1958. – № 4. – С. 3 – 12.
30. Стефанов Н. Основни черти и изискувания на марксистско-ленинския исторически метод / Н. Стефанов // Исторически преглед. – 1959. – № 6. – С.3 – 25.
31. Топенчаров В. Петнадесет години политика на мир / В. Топенчаров // Исторически преглед. – 1959. – № 4. – С. 111 – 131.
32. Хаджиниколов В. Етническо единство и регионално разнообразие на българската народна култура / В. Хаджиниколов // Исторически преглед. – 1984. – № 1. – С. 3 – 19.
33. Христов Хр. Георги (Гоце) Делчев – бележит български патриот и революционер / Хр. Христов // Исторически преглед. – 1982. – № 3. – С. 30 – 40.
34. Христов Хр. Македонизмът като политическа концепция в края на XIX и началото на XX в. / Хр. Христов // Исторически преглед. – 1979. – № 3. – С. 23 – 40.
35. Христов Хр. По следите на една историко-документална фалшификация / Хр. Христов // Исторически преглед. – 1983. – № 4. – С. 100 – 106.

ДНР И ЛНР как зоны проблемной государственности: проблемы методологии исследования

В данной статье, посвященной ДНР и ЛНР как зонам проблемной государственности, автор задается проблемой поиска методологии исследования данного феномена, которая пока недостаточно разработана в отечественной политологии. Автор приходит к выводу, что применение комплексного подхода поможет понять происходящее в этих самопровозглашенных республиках и на прилегающих к ним территориях Украины и наметить возможные пути развития ситуации.

Ключевые слова: методология исследований, зона проблемной государственности, ДНР, ЛНР, Украина.

In this article, devoted to DPR and LPR as the areas of troubled statehood, the author addresses the issue of research methodology of the study of this phenomenon, which is still not fully developed in the domestic political science. The author concludes that an application of comprehensive approach will help to understand what is happening in these breakaway republics and on the adjacent territories of Ukraine and to outline possible ways of development of the situation.

Key words: research methodology, troubled statehood, DPR, LPR, Ukraine.

Украинский политический кризис 2013-2014 гг., имеющий как внутренние, так и внешние причины, вызвал серьезные геополитические сдвиги, оказавшие влияние не только на постсоветское пространство и Центральную и Восточную Европу, но и поставил под угрозу всю систему международной безопасности. К сожалению, данный кризис не преодолен до сих пор, в том числе и в силу отсутствия необходимой политической воли у акторов разного уровня, что востребует более глубокого анализа его причин и тенденций развития кризисной ситуации. Поэтому автор обращается к анализу методологических проблем исследования политического процесса и политических систем ДНР и ЛНР, возникновение которых является следствием этого кризиса, и чье существование

объективно способствует серьезной трансформации системы международных отношений и существующего миропорядка.

ДНР и ЛНР, как государственные образования, по всем признакам можно отнести к «неконтролируемым территориям», «квазигосударствам», «повстанческим государствам», «несостоявшимся государствам», которые автор объединяет под термином «зоны проблемной государственности», [1; 19] где отсутствуют четкие признаки государственности и существуют проблемы с контролем входящих в их границы территорий. Поэтому для исследований особенностей политического процесса и политических систем такого рода государственных образований довольно проблематичным является применение господствующих в современной политологии парадигм, используемых при исследовании механизмов функционирования демократических политий и демократических транзитов, которые, будучи использованы при изучении зон проблемной государственности, лишь фиксируют «отход от демократических принципов» без объяснения реальных причин такого отхода, не говоря уж о причинах появления, механизмах функционирования и тенденциях развития вышеуказанных типов государственных образований. В силу чего исследование государственных образований проблемной зоны нуждается в соответствующей методологии, применяемой не только в политологии, но и в других дисциплинах, таких как история, политическая антропология, социология, конфликтология, регионоведение, мировая политика. Что и пытается сделать автор, комплексно исследуя политический процесс и политические системы ЛНР и ДНР сквозь призму конфликтологии, исследований революционных и повстанческих движений, полемологии и иренологии, региональных и международных исследований, формальных и

неформальных институтов и практик, архетипического подхода. Что, по его мнению, позволит более адекватно понять происходящее в этих самопровозглашенных республиках и на прилегающих к ним территориях Украины, и наметить возможные пути развития ситуации.

Анализируя *источники данного конфликта*, по мнению автора, нужно учитывать его цивилизационное измерение (то, что территория Донбасса находилась в зоне «столкновения цивилизаций»), противоречивый характер «двухвекторности» украинской внешней политики, соперничество украинских кланов, где «македонцы» (выходцы из Макеевки и Донбасса) играли далеко не последнюю роль, а также конфликт идентичностей, который игнорировался украинской властью. [6; 14; 23]

Применение *революционной парадигмы* обусловлено тем, что тогда в Украине, цивилизационно и социокультурно расколотовой на проевропейские Северо-Запад и Центр и связанный с Россией Юго-Восток, почти одновременно произошли две революции – «Революция Достоинства» [3; 5; 14; 25; 30] и «Русская Весна». [6; 11; 20] И там, и здесь определенным образом сложились объективные и субъективные предпосылки, влияли внешние и внутренние факторы. В результате столкновения этих революционных волн не только появились ДНР и ЛНР, но и возник вооруженный конфликт на территории Донбасса, который пока удалось заморозить. Но остается вопрос – а завершились ли эти революции? Ответ на него может дать применение методологии исследований революционных процессов и повстанческих движений, которые успешно используются не только зарубежными, но и отечественными специалистами. [4; 10; 11; 15; 17]

Так как революции, в том числе и «цветные», нередко

приводят к гражданской войне, которая может иметь затяжной характер, то в нашем случае будет нелишним осветить *полемологический аспект* [20] в образовании и функционировании ЛНР и ДНР. Дело в том, что война играет значительную роль не только в жизни этих самопровозглашенных республик, но и ведущей против них «антитеррористическую операцию» Украины, милитаризируя экономику, политические системы и жизнь граждан. Война, особенно гражданская, позволяет выдвинуться тем людям, для которых мирная жизнь скучна и мало привлекательна. В случае успеха они превращаются в т.н. «варлордов», которым подчинены сотни и тысячи людей, которые контролируют обширные районы, фактически являясь там высшей властью. В зонах проблемной государственности власть «лордов войны» [26] нередко оказывается выше, чем власть политиков и чиновников. К сожалению, вооруженный конфликт в Донбассе также породил таких «варлордов» - полевых командиров, «вершащих суд и расправу» на контролируемых ими территориях. Причем по обе стороны от линии фронта. Вокруг них объединяются, как добровольцы, так и наемники, как граждане Украины, так и иностранцы, - те, кто «вошел во вкус» войны. У них есть поддержка во властных структурах, среди бизнеса и гуманитарной интеллигенции – со стороны тех, кто больше заинтересован в войне, чем в мире...

Чтобы перейти от гражданской войны к состоянию гражданского мира необходимо не только прекратить боевые действия, но и ликвидировать власть «варлордов» и тех, кто живет войной – что сделать не так-то просто. Поэтому крайне важным является *иренологический аспект* проблемы [27], позволяющий проанализировать возможности выхода тех или иных территорий из зоны проблемной государственности. Здесь все зависит от сочетания как внутренних, так и внешних

факторов, влияющих на установление мира и переход к мирной жизни.

Образование ДНР и ЛНР на руинах Украины и их вероятное будущее также нуждается в рассмотрении в контексте *трансформации современного мирового порядка*, изучаемой методами региональных и международных исследований. Поэтому урегулирование вооруженного конфликта на Донбассе должно сочетаться с урегулированием правового статуса и границ ДНР-ЛНР: 1) вернутся ли эти территории в Украину; 2) их независимость получит международное признание (пусть даже ограниченное по примеру Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии); 3) они станут частью проекта «Новороссия»; 4) войдут в состав РФ по сценарию близкому к крымскому.

В силу того, что территория конфликта входит в зону проблемной государственности, то управление данным конфликтом, также как и его урегулирование, во многом зависит не только от позиций официального Киева, руководства самопровозглашенных республик и международных посредников, но и от позиции полевых командиров, криминальных авторитетов, олигархов, имеющих там интересы, местных территориальных общин, духовных лидеров, политиков разного уровня – от их выбора между войной и миром. Поэтому *выявление реальных участников политического процесса в данной зоне проблемной государственности, анализ их габитуса и системы связей наряду с изучением реально действующих там институтов (как формальных, так и неформальных) и практик* позволят объективно оценить перспективы урегулирования конфликта и политического обустройства данной территории. [2; 9; 13; 16; 18; 22; 28; 29]

Особо хотелось бы обратить внимание на возможности *архетипического подхода* [7; 8; 23]. Применительно к Юго-Востоку

Украины это означало бы изучение влияния архетипов, связанных с Диким полем и временами Руины, на современность и возможностей их нейтрализации.

В качестве вывода автор утверждает, что комплексное применение вышеуказанных методов поможет не только лучше понять происходящее в зоне конфликта, но и наметить пути прекращения расширения зоны проблемной государственности на постсоветское пространство и на Восточную Европу.

Библиографический список

1. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / [ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова]. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.
2. Бурдьё Пьер. Социология политики / Пьер Бурдьё. – М., 1993. – 333 с
3. Бышок С.О. Евромайдан имени Степана Бандеры: От демократии к диктатуре / С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Изд-во «Книжный мир»; ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 432 с.
4. Голдстоун Джек. Революции. Очень краткое введение / Джек Голдстоун. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 192 с.
5. Григорьев М.С. Евромайдан / М.С. Григорьев. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
6. Губарев П. Факел Новороссии / П. Губарев. – СПб.: Питер, 2016. – 416 с.
7. Гуцуляк О.Б. Изначальный архетип Украины и России / О.Б. Гуцуляк // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. - №1. – С.71-77
8. Даренский В.Ю. Новороссия: «Рана Модерна» / В.Ю. Даренский // Международный журнал исследований культуры. – 2011. - №4. – С. 54-59
9. Линецкий А.И. Происхождение институтов путем отбора способов поведения / А.И. Линецкий // Полис. – 2015. – №4. – С.123-144.
10. Манойло А. Цветные революции и гибридные войны / А. Манойло // Стратегии России. – 2015. – №7. – С.17-24
11. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна / Е.Э. Месснер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2004. – 511 с.
12. Новороссия. Восставшая из пепла / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.
13. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд-во И-та Гайдара, 2011. – 480 с.
14. Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Война на Донбассе / В.Д. Пихорович. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 208 с.
15. Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. – М.: Европа, 2005. – 520 с.
16. Розов Н.С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти / Н.С. Розов // Полис. – 2014. – №5. – С.90-107
17. Сальников В.И. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография / В.И. Сальников. – Воронеж: Научная книга, 2011. – 108 с.

18. Сальников В.И. Революционные процессы: социокультурный и политико-антропологический аспекты [Электронный ресурс] / В.И. Сальников // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. – СПб: Эйдос, 2013. – URL: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1380 (дата обращения 10.04.2016)
19. Себенцов А.Б. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире / А.Б. Себенцов, В.А. Колосов // Полис. – 2012. – №2. – С.31-46.
20. Соловьев А.В. Полемология – французская социология войны / А.В. Соловьев // Социс. – 1993. – №12. – С. 44-53.
21. Уроки Новороссии для будущего России. Материалы научно-экспертной сессии (Москва, 3 июня 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии). – М.: Наука и политика, 2015. – 160 с.
22. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация / А.А. Фисун // Политическая концептология. – 2010. – №4. – С.158-187.
23. Шубин А.В. История Новороссии / А.В. Шубин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 480 с.
24. Casebook on insurgency and revolutionary warfare. Vol. I: 1933-1962 / ed. by Chuck Crossett. – Fort Bragg: US Army Special Operations Command & The Johns Hopkins Univ., 2013. – 751 pp.; Vol. II: 1996-2009 / ed. by Chuck Crossett. – Fort Bragg: US Army Special Operations Command & The Johns Hopkins Univ., 2012. – 864 pp.
25. Crisis in Ukraine /ed. by Rose Gideon. – Tampa, Florida: Council on Foreign Relations, 2014. – 122 p.
26. Marten K. Warlordism in Comparative Perspective / K. Marten // International Security. – Winter 2006/2007. – Vol. 31, № 3. – P. 41-73.
27. Peace Research: Achievements and Challenges /ed. by Peter Wallensteen. – Bolder and London: Westview Press, 1988. – 275 pp.
28. Peake G. From Warlords to Peacelords: Local leadership Capacity in Peace Processes / G. Peake, C. Gormley-Heenan, M. Fitzduff / INCORE Report. December 2004 // International Centre Excellence for Conflict and Peace Studies (INCORE).The United Nations University. – 78 p. – URL: <http://www.incore.ulst.ac.uk/research/projects/wlpl/WlplFull.pdf> (дата обращения 07.04.2016)
29. State Failure Revisited II: Actors of violence and Alternative Forms of Governance. INEF Report № 89 // Institut für Entwicklung und Frieden. – 2007. – 72 p. – URL:<http://inef.uni-due.de/page/documents/Report89.pdf> (дата обращения 07.04.2016)
30. Мухарський А. Майдан. (Р)Еволюція духу / А. Мухарський. – Київ: Наш Формат, 2014. – 312 с.

Сведения об авторах

Никита Неклюдов

студент 3 курса,
направление «Международные отношения»,
Факультет международных отношений,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

М.В. Кирчанов

доктор исторических наук, доцент,
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран,
Факультет международных отношений,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.И. Сальников

кандидат исторических наук, доцент,
Кафедра международных отношений и мировой политики,
Факультет международных отношений,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»